

Час волка

Автор:

Андрей Дышев

Час волка

Андрей Михайлович Дышев

Дочь волка и Кирилл Вацура

На крымском побережье снимается исторический боевик. Площадка, софиты, костюмы, актеры... В какой-то момент режиссеру для небольшого эпизода понадобился рослый мускулистый парень. Взгляд задержался на бывшем спецназовце Кирилле Вацуре. Вылитый рыцарь! Грим, доспехи, нарисованные шрамы – и на площадку! Дым, ветродуй, мотор!.. Зазвенели бутафорские мечи и пики, заскрежетал металл, и новоявленный актер ринулся в бой. Но что за наваждение! Битва отнюдь не киношная, из ран хлещет вовсе не томатный сок, и смерть – настоящая. Где же тут игра и где – реальность?

Андрей Дышев

Час волка

Андрей Дышев

* * *

Обогнать с первого раза учебную "шестерку" с предупреждающим треугольником на крыше мне не удалось. Как раз в тот момент, когда я обходил машину слева, "шестерка" повела себя так, словно за ее рулем сидел плохо выдрессированный медведь. Машина вдруг рванула вперед, зашуршав колесами по гравию и, обгоняя стоящий впереди хлебный фургон, тоже начала брать влево. Она беспардонно прижимала мой крупный "ниссан-террано" к бордюру встречной полосы. Я на всякий случай посигналил. Потом, удивляясь отчаянной храбрости ученика и его инструктора, притормозил, уважительно пропуская ошалевшую машину.

Мы бы разминулись вполне благополучно, если бы из-за поворота прямо на меня не выкатил автобус. Спасая машину от издержек учебного процесса, я прихлопнул ногой педаль акселератора, словно какого-то вредоносного жука. Сто двадцать пять "лошадок" турбодизеля снарядом кинули "ниссан" вперед, в узкий промежуток между "шестеркой" и автобусом. Когда я, наконец, снова вырулил на свою полосу, оставив учебную машину позади себя, "шестерка" встала, как вкопанная, посреди дороги и, наконец, заглохла.

Я сбавил скорость, с сочувствием наблюдая в зеркало за убийственным автотренажером. Со стороны инструктора распахнулась дверь, и из машины вывалился коренастый крепыш в темных брюках, сандалиях, одетых на красные носки, и в майке, украшенной рекламой пива. Он был очень огорчен, сильно размахивал руками, отчитывая ученика, который по-прежнему сидел в машине и не высовывался.

На ловца и зверь бежит, подумал я, узнав в инструкторе своего соседа Виктора Куценко, который на прошлом месяце одолжил у меня, кажется, штуку (или две?) баксов. Дал задний ход, мягко прижавшись к передку "шестерки", заглушил машину и вышел наружу.

Виктор не сразу разглядел мои добрые намерения и на всякий случай отступил назад, за свою красную развалюху. Исподлобья глядя на меня, он нескладно и безадресно выругался:

– Да что за дела!.. Не поймешь, черт возьми, что творится! Все с ног на голову поставлено!..

Я снял темные очки. Виктор меня узнал, откровенно обрадовавшись тому, что хозяин "ниссана" его сосед, а не какой-нибудь уголовный элемент с туманным прошлым, но ясными противоправными намерениями. Правда, уже через мгновение по его лицу пробежала тень – кажется, он вспомнил про долг, и это испортило ему настроение.

– Привет, – упавшим голосом сказал он, протягивая свою широкую, с короткими пальцами, ладонь.

Люди, которые должны, так не любят смотреть в глаза!

– Чего шумишь? – примирительно сказал я.

Виктор, ожидавший неприятного вопроса про баксы, оживился и с удовольствием стал закапываться в начатую мной тему:

– Я объясняю: педаль сцепления надо отпустить сначала на треть хода, а потом потихоньку, как пробку из-под шампанского...

– Так возьми бутылку и покажи, а не ругайся, – посоветовал я. – Или дай разок по затылку. Это помогает.

– По затылку! – буркнул Виктор и мельком взглянул на запыленное окно "шестерки". – Эту нельзя. Актриса!

Вокруг нас скапливался народ, в основном, местные пенсионерки. В отличие от курортников, им было скучно, и они хотели посмотреть на разборку. Большая, как корова, бабуля в больничном халате, махая перед собой газетой, басом рассказывала анекдот про то, как на шестисотый "мерседес" наехал "запорожец". Юмора никто не понял. Мои землячки не знали, что такое "мерседес", а "запорожец" считали нормальной и очень популярной в здешних краях машиной.

Я всматривался сквозь стекло "шестерки", тщетно пытаюсь рассмотреть сидящую за рулем актрису. Я полагал, что там должно находиться некое перепуганное, эфемерное, полупризрачное существо с белой до синевы кожей, слабым голосом и томным взглядом. Ничего не увидев, я хотел напомнить

Виктору, чтобы он перед выездом тщательнее мыл стекла, но в этот момент дверь открылась, и я увидел каштановую шляпку волос с обесцвеченной челкой, а затем и широкоскулое загорелое лицо девушки лет двадцати пяти. Она заметно отличалась от приезжих девушек, переполнивших пляж, необычным сочетанием цвета волос и ярко-зеленых миндалевидных глаз, а также профессиональным макияжем, где тональный крем, тушь и тени едва угадывались на ее лице. А вызывающая одежда (лайкровые велотрусы до колен и широкая рубаша-косоворотка с длинными рукавами, свисающими, как у петрушки) красноречиво подтверждали, что девушка привыкла привлекать к себе внимание.

Ступив босыми ногами на горячий асфальт, она вытащила откуда-то из-под педалей пару босоножек, надела их, после чего оперлась о горячий капот "шестерки" и высокомерно посмотрела на меня.

- Надеюсь, я вас не задела? - спросила она.

- К счастью, нет. Но я просто чудом успел выскользнуть из-под ваших колес.

- Я не виновата, - объявила девушка безапелляционным тоном. - Просто у этих "жигулей" плохо крутится руль. И инструктор у меня злой.

- Насчет руля вы, может быть, не совсем точно выразились, - тактично заметил Виктор. - Я лично проверял машину перед выездом. Дело в другом: прежде, чем перестроиться в соседний ряд, надо убедиться, что этим маневром водитель не создаст...

Я с любопытством рассматривая актрису. Где она играет? И какие роли?

- Вы в самом деле актриса? - спросил я девушку.

Она не ответила на мой вопрос и опустила на глаза непроницаемо-черные очки с круглыми стеклами в оправе из белого металла.

Монахиню она сыграть не сможет, решил я, разве что в кинокомедии.

Виктор топтался рядом, мечтая быстрее распрощаться со мной. Зрители разочарованно покидали место действия. Был полдень. Злое солнце и аура курортного безделья возбуждали человеческие слабости. Я уже не мог думать о цементе. Мне хотелось сняться с этой актрисой в крутом эротическом сериале из трехсот серий.

Виктор увядал прямо на глазах, как выброшенная на берег водоросль. Я продолжал пялиться на девушку, и затянувшуюся паузу мой сосед воспринял, как немой вопрос относительно денег.

– У меня сейчас небольшие финансовые затруднения, – наконец родил он.

Актриса начала скучать. Проблемы инструктора ее не интересовали. Ее учебное время шло впустую.

– А вы знаете, – сказал я ей, не обратив внимание на реплику Виктора, – что у нас в школе был самодеятельный театр. И как-то мы поставили пьесу "Розовый слон". Это была кличка басиста школьного ансамбля. Крепкий такой рыжеволосый парень с гитарой в руках... Правда, у него не было ни голоса, ни слуха. Он вообще был глухим, и во время концертов ходил по сцене и, ничего не замечая, давил барабаны, усилители и колонки. Потом провалился под сцену, но и там продолжал играть один и тот же звуковой ряд. И все кричали ему: "Слон! Слон!". Так вот, этого Слона играл я.

– Мне это не интересно, – ответила артистка и села в машину.

Виктор развел руками, словно хотел извиниться за бестактное поведение своей подопечной, и взялся за ручку двери.

– Как зовут? – спросил я.

– Эту? – зачем-то уточнил Виктор, глянув на запыленное стекло, и, словно выдавая какую-то нелicenseприятную семейную тайну, нехотя ответил: – Инга, кажется.

Он начал влезать в машину, как в змеиный питомник. С актрисой по городу катается, подумал я, а такая физиономия протокольная.

– Не вернешь бабки через два дня, – ласковым голосом сказал я ему, – включу "счетчик".

Деловое выражение стало сползать с лица инструктора, как пригоревший блин со сковородки. Я невольно покачал головой, сетуя на свой скверный характер. Это была всего лишь шутка, а Витек теперь ночь спать не будет.

Ничего, успокоил я себя, провожая глазами "шестерку", которая, как хромая лошадь, толчками набирала скорость. Ночь не поспит, зато духовно обогатится, общаясь с этой зеленоглазой музой. Все в жизни должно быть сбалансировано.

2

Я дождался первого гудка и мысленно попросил бога связи и телефонных коммуникаций проявить милосердие. Слушая второй гудок, остановил дыхание. Затем раздался щелчок и опять включился автоответчик.

Этот автоответчик достал меня больше всего. Нормальная, вроде бы, женщина, и голос у нее красивый, а как записала себя на пленку – уши начали вянуть от дурацкого приветствия: "Здравствуйте! К сожалению, сейчас никто не может подойти к телефону. Оставьте свое сообщение после длинного сигнала". Анна сразу представлялась мне этаким компьютерной куклой со стеклянными глазами и ритмично движущимися губами, напичканной примитивными программами, и потому у меня пропадала охота оставлять свое сообщение. Первый раз после длинного сигнала я прокукарекал. На второй раз промычал, а в дальнейшем выразительно блеял, хрюкал, гавкал, словом, старательно наполнял автоответчик жизнерадостными звуками скотного двора.

Не знаю, принимала ли Анна мои сообщения, но на все мои старания напомнить о себе, она не подавала признаков существования, не звонила и не писала мне. Этим летом она почему-то изменила своей традиции и не приехала в Судак. Я чувствовал себя одиноким, мечтал о бескорыстной любви и наполнялся ненавистью к бригаде строителей, которые третий месяц ремонтировала мою гостиницу.

– "...Оставьте свое сообщение после длинного сигнала", – в сотый раз выдал дурацкий совет автоответчик из далекой московской квартиры.

Я посмотрел на трубку, намереваясь сожрать ее, но ограничился лишь тем, что после длинного сигнала издал вой сытого леопарда из национального парка Вильпатту на Шри Ланке. Затем опустил трубку в гнездо на аппарате и сказал себе: "Кирилл Вацура! Ты звонил ей в последний раз!"

* * *

В спортклуб "Персей" я обычно приезжал в часы полуденной сиесты, когда город плавился, как шоколад во рту. В это время в залах пустовало, гулял горячий сквозняк, и не было необходимости дожидаться своей очереди у снарядов. Я "качался" на пару с тренером клуба Герой. У него было интересное ко мне отношение. Гера считал, что тренер, он же учитель, должен воплощать в себе идеал физического совершенства, и всячески пытался продемонстрировать мне свое превосходство. Когда ему это не удавалось, он нервничал и истязал себя.

Если я отжимал от груди штангу, и на грифе висела, скажем, "соточка", Гера обязательно подключался ко мне и навешивал еще килограмм десять. Когда я брал и этот вес, он увеличивал его еще на пять кило и, совершив под штангой подвиг, переходил к другому тренажеру, чтобы не видеть, как я буду работать с его весом. Он соперничал со мной с фанатичной целеустремленностью. Я никогда не мордовал боксерскую "грушу" в одиночку. Рядом, у борцовского мешка, обязательно появлялся Гера и начинал с сердитым воплем наносить по нему удары ногой. Я бил по "груше" с разворота, апперкотом, ребром ладони и ее тыльной стороной, а Гера, подглядывая за мной краем глаза, кричал и выбивал пыль из мешка ногами. Иногда мне казалось, что он пытается заставить мешок кричать.

Мы, вроде как, дрались друг с другом, и наш поединок продолжался уже больше года. А вообще, он был хороший парень, только стрижка наголо да татуировки на руках портили его вид. И еще, несмотря на свой внушительный вид, Гера смертельно боялся девчонок, и уже много лет подряд тщетно пытался жениться.

– Кончай потеть! – сказал Гера, когда я приседал со штангой на плечах, мысленно сравнивая ее со своими проблемами. – К тебе мужик пришел.

Я опустил гриф на стояки, вытер тряпкой магнезию с ладоней и накинул на мокрые от пота плечи полотенце.

– Надо рыть бассейн, – сказал я. – Причем, двухъярусный, чтобы вода из одного большой струей перетекала в другой, как в аквапарке на Майорке.

Подобными идеями я всегда загонял Геру в угол. Он отчужденно взглянул на меня, тряхнул головой, словно сгоняя севшую на лоб муху, но ничего не сказал и стал навешивать на штангу, под которой я только что надрывался, еще пару десятикилограммовых блинов.

Я вышел в тамбур и заглянул на лестницу. На ступенях стоял Виктор Куценко и нервно наматывал на ладонь скрученный жгутом полиэтиленовый мешок; улыбка его была искусственной, словно кто-то невидимый сунул ему два пальца в рот и растянул губы. Наверное, моя еще не остывшая от нагрузки грудь произвела на него тяжелое впечатление, и сосед как-то сразу сник.

Виктор никогда раньше не приходил в клуб. Мне это не понравилось. Тот, кого не ждут, приходит обычно с дурными новостями.

– А-а, сосед! – воскликнул я, стараясь по глазам угадать, с чем пришел Виктор. – Как идет учебный процесс? Научил свою актрису отпустить сцепление?

Я невольно заговаривал ему зубы, заваливал малозначащими вопросами, но Виктор сразу перешел к делу.

– Два дня прошло, – выговорил он, кидая настороженные взгляды на дверь в зал, где страшно гремел железом Гера. – Если можешь, то подожди еще неделю. Через неделю я отдам все...

До меня не сразу дошло, о чем он говорил. Я уже забыл о своей нехорошей шутке про счетчик, а Виктор, оказывается, воспринял мои слова всерьез.

Мне тотчас захотелось дать соседу еще денег. Я похлопал его по плечу и завел в раздевалку. Здесь можно было посидеть в кресле под распахнутыми настежь окнами и попить ледяной минералки.

– Садись, – сказал я ему, заглядывая в холодильник. Виктору показалось, что я настроен на долгий и крайне неприятный разговор и решил не оттягивать экзекуцию.

– Нет, давай уже сразу все решим. Можешь меня казнить. Но ситуация вот такая, понимаешь...

– Да ладно, успокойся! – махнул я на него рукой. Нет ничего хуже, когда человек боится тебя без причины и наоборот. – Не рви пакет, пригодится! Селедку в него положишь.

Из зала донесся громкий металлический лязг, а вслед за ним – матерная тирада. Похоже, что Гера уронил штангу себе на ногу.

– Давай все по порядку – сказал я, срывая ключом пробку с бутылки "боржоми".

– Брат с деньгами задержался, – снова начал оправдываться Виктор. – Должен был приехать еще вчера...

– Я не о том! – перебил я его. – Про Ингу рассказывай! Где ты ее нашел?

Виктор был озабочен долгом, Инга же его совершенно не волновала. В этом плане мы с соседом словно говорили на разных языках.

– Да я ее не искал, – ответил Виктор, рассеянно глядя на пузырьки в стакане. – Ко мне ее привел незнакомый парень и сказал, что за десять дней ее надо научить водить машину.

– Почему за десять дней?

– А потом начнутся съемки фильма. А она должна сыграть в нем эпизод, как садиться в машину и мчится по улицам.

– Что ты говоришь! – воскликнул я. – Представляю, какой это будет захватывающий фильм! А как будет называться? "Смертельная погоня"? Или "Кровавая гонка"?

- Не знаю, - пожал плечами Виктор. - Не интересовался.

- А откуда она? С какой киностудии?

- Кажется, с Ялтинской.

- Где остановилась? Адрес знаешь?

Виктор отрицательно покачал головой.

- Она приходит в автошколу, мы садимся в машину и едем. Через час расстаемся. Вот и все.

- И целый час ты паришься с ней в своей замороченной "шестерке"? Не поверю, что ты хотя бы раз не прокатился с ней на дикий пляж.

- Что ты! - махнул рукой Виктор. - Никаких пляжей не было.

- Может, тебе еще денег дать?

- Не издевайся, Кирилл! У меня этот долг поперек горла стоит.

- Так сколько уже дней, ты говоришь, она в твоей машине дрессируется?

- Два. Пока два.

Я сам не понял, пошутил или нет:

- Вот и хорошо! Оставшиеся восемь дней я буду учить ее вместо тебя.

Виктор тоже не смог определить, в какой степени я склонен был шутить, но на всякий случай покачал головой.

- Да, конечно, - произнес он размазано. - Это было бы неплохо. Жаль только... Я тебя не очень от дел отрываю?

– Я серьезно.

Теперь он смотрел на меня с испугом.

– Да ты что? – негромко сказал Виктор. – Ты зря думаешь, что это интересно. Я тебе не советую.

– Восемь дней, конечно, это многовато, – гнул я свое. – А пару раз я с ней покатаюсь.

Виктор понял, что упустил контроль над ситуацией и попытался дать задний ход.

– Это невозможно, Кирилл. Что я скажу директору? А как на это киношники посмотрят? Они пообещали мне приличные бабки...

– Ничего говорить не надо, – перебил я Виктора. – Никто ничего не узнает. Завтра, когда она сядет в машину, скажешь, чтобы вырулила к гаражам и объяснишь, что на два дня тебя подменит гонщик мирового класса Бартоломео Лесепс. У гаражей я вас и встречу.

Виктор топтался по линолеуму раздевалки и все не хотел уходить. Я налил ему еще стакан минералки.

3

– Я вот почему просила тебя прийти, Кирилл, – сказала Лебединская, проводя меня через зал в подсобное помещение. – Зеленого чая хочешь?

Она, как всегда, держала в руке большую раковину рапана, в которую поминутно стряхивала пепел с папиросы. Темный брючный костюм, короткая стрижка, низкий, хрипловатый голос и неистребимая тяга к "Беломорканалу" и автомобилям настолько затушевывали женское начало в заведующей музеем, что мне всякий раз хотелось назвать ее "дядя Шура".

- Нет, чая не надо, тетя Шура, - ответил я.

- Как твой "ниссан" бегаёт? - спросила заведующая, все же наливая мне немного желтоватой водички. - А я вчера Анну вспоминала. Какая, все же, милая девочка! Кофточку и клофелин от гипертонии из Москвы мне прислала... А почему она не приехала?

Запахом крепкого табака была пропитана даже чашка.

- Вы ведь не для того меня позвали, чтобы спросить про Анну? - предположил я. - Разве такая деловая и энергичная женщина стала бы тратить время на такую ерунду?

Лебединская крепко затянулась, прищурилась и погрозила мне пальцем.

- Только Кирилл Вацура умеет взять за горло так, что это будет приятно, - отвесила она мне комплимент. - Но это не ерунда! На месте Анны я тебя одного не оставила бы. За тобой глаз да глаз нужен! Ни одной юбки не пропустишь! Жениться тебе надо, Кирилл! - Она погрозила мне пальцем. - Но ты прав, конечно. Я не собираюсь читать тебе мораль, у меня к тебе серьезный разговор... Да присядь ты, не возвышайся надо мной, как Давид!

Пришлось опуститься в старое, потертое кресло, с боков которого свисала бахрома - следы когтей музейного кота.

- Тебе о чем-нибудь говорит имя Лембита Лехтине? - спросила Лебединская, размахивая дымящейся раковиной, как кадиллом.

- Нет.

Лебединская была историком, а историки не любят быстрых и однозначных ответов.

- А ты не спеши, подумай.

- У меня прекрасная память, тетя Шура. Это имя мне не знакомо.

– Странно, – ответила заведующая после паузы. – А он утверждал, что вы знакомы.

– Кто он такой этот Лехтине? – спросил я, впрочем, без особого любопытства. – Что ему было нужно?

Лебединская выдержала паузу, а потом вдруг некстати спросила:

– Послушай, я все никак не пойму, есть ли какие-нибудь преимущества у дизельного двигателя перед карбюраторным?

Я давно заметил за ней такую привычку. Ей нужно было время, чтобы точно построить ответ. Пока я буду распинаться, объясняя механику дизеля, она определится с ответом.

– Ладно, тетя Шура, – сказал я. – Двигатели здесь не при чем. Я подожду.

Похоже, что она не услышала моей реплики. Беззвучно ступая мягкими, сшитыми из шинельного сукна музейными тапочками, она двигалась от окна к столу и обратно, часто затягиваясь и наполняя дымом подсобку.

– Он представился искусствоведом и частным коллекционером, – медленно сказала Лебединская. – Из Тарту, кажется... Говорил с сильным акцентом, часто путал слова. Его интересовали золотые генуэзские монеты пятнадцатого века.

Я вскинул голову и посмотрел на женщину. Она заметила, как я нахмурился, сжал губы, и встала ко мне боком, делая вид, что рассматривает стеллаж с кусочками антикварной черепицы. Она знала мой характер и была готова к тому, что я сейчас начну говорить с ней резко.

– Очень приятная новость, тетя Шура.

– Приятного мало, – ответила она так, словно не поняла моего сарказма.

О том, что у меня есть такие монеты, в Судаке знали только два человека – заведующая музеем Лебединская и "черный" антиквар Кучер, которому два месяца назад я продал полсотни штук по пятьсот пятьдесят долларов за штуку.

В честности Лебединской и Кучера я не сомневался, а потому осведомленность незваного гостя меня насторожила. Я никогда не позволял себе говорить с женщиной грубо, и все же сорвался.

– Я же вас предупреждал! – сказал я, привставая с кресла. – Значит, вы меня не послушались? Вы выставили подлинники всем напоказ? И этот ваш Лембит, естественно, их увидел?

– Ах, Кирилл! – воскликнула она. – Какое послушание? Я же не девочка и, кажется, гожусь тебе в матери!

– Но вы же сами пообещали мне, что закажете латунные копии, а золотые монеты спрячете.

– Я обещала? – лукавила заведующая, гася папиросу в раковине и тотчас прикуривая новую. – Тебе, наверное, это приснилось. Я не могла обещать такого! На подобный цинизм способен разве что ночной сторож Вася, а не кандидат исторических наук и заслуженный работник культуры Александра Лебединская!

– Но почему цинизм, тетя Шура! Я беспокоюсь о нашем с вашим благополучии!

– Я тебя умоляю, Кирилл! Обо мне беспокоиться не надо. Никто не посмеет обидеть старую и мудрую черепаху Лебединскую!.. Так я не поняла, ты хочешь зеленого чая или нет?

– Вы уходите от разговора.

– Да. Ухожу. Потому что уже не вижу в нем смысла. Я уже жалею, что рассказала тебе про коллекционера.

– Вот что! – Я начал терять самообладание. – Вы не хуже меня знаете, чего стоят эти монеты. И любой мало-мальски осведомленный в антиквариате специалист без труда определит их цену. И чем выше цена, тем больше всякой криминальной нечисти будет к этому золоту липнуть. Спрячьте их от греха подальше и никому не показывайте!

– Я уже говорила: ты, Кирилл, циник! – холодно заметила Лебединская. – В моем несчастном музее одни муляжи, кроме нескольких обломков гончарной черепицы, сомнительных каменных наконечников для стрел и картин начинающих пейзажистов. Впервые за свою жизнь я смогла показать людям бесценные исторические реликвии, а ты требуешь, чтобы я спрятала их подальше.

– Но это же опасно! – взмолился я. – Неужели вы не понимаете, что даже за одну монету преступники могут пойти на все! Какой-то эстонец уже заинтересовался монетами, уже знает мою фамилию. А откуда, спрашивается, он мог узнать, что у меня тоже есть такие монеты?

– Не знаю, – ответила Лебединская. – Шила в мешке не утаишь.

– Правильно. Поэтому шило не надо класть в мешок. Лучше его зарыть в землю. Так безопаснее и...

– Опять ты о своем! – возмутилась заведующая, перебивая меня и с грохотом опуская раковину на стол. – Я уже от тебя устала! Ты сгущаешь краски! Кто догадается, что под стеклом лежат подлинники, когда их тут сроду не было? Ты да я!

– Вы дадите мне сказать или нет?! Это не меньший цинизм – дурачить людей, демонстрируя им шедевр под видом подделки, – сказал я глухо.

Лебединская усмехнулась и с прищуром посмотрела на меня.

– Ой ли! Хотела бы я, чтобы все на свете были такими циниками! Согласись, что это все же лучше, чем поступать наоборот. Как, скажем, в пинакотеке Букингемского дворца, где среди личной коллекции королевы Елизаветы выявились две фальшивки, которые несколько веков считались подлинными полотнами Рембрандта. И его знаменитейший "Автопортрет" тоже объявлен подделкой. И в Эрмитаже, и в Лувре, и в галерее Уфицци...

– Ну, хорошо! – приостановил я интеллектуальный прессинг. – Я понял, что не могу вас убедить убрать с витрин монеты. Мне проще самому их сгрести и спрятать в более надежное место!

Она вздохнула:

– Я очень благодарна тебе за монеты, Кирилл, за этот щедрый подарок, но теперь позволь мне самой распоряжаться им.

Она поставила точку в разговоре. Храбрая, подумал я. Храбрым человек бывает от природы, когда занижен инстинкт самосохранения, или же от недооценки опасности. У Лебединской и то, и другое присутствует в достаточной мере. Она вообразила себе мир, наполненный благородными рыцарями, легендарными консулами и монахами, разукрасила его рюшечками и цветами и стала порхать бабочкой в облаке табачного дыма.

– Так что хотел от меня ваш коллекционер Лехтине? – спросил я, подойдя к двери.

– Во-первых, он не мой коллекционер, – нарочито безразличным голосом ответила заведующая, разрывая измочаленную и ставшую плоской пачку "Беломорканала". – А во-вторых, он не сказал, что от тебя хочет. Спросил лишь, не знаю ли я, где ты живешь. Я ответила, что не знаю. Вот, собственно, вся история.

– Он, конечно, подходил к шкафам, рассматривал монеты?

– Ошибаешься, – ответила Лебединская, отрицательно качая головой и прикрывая глаза. – Он не подходил к экспозициям. Только поговорил со мной и вышел... Это сколько уже на твоих часах пропиликало? Неужели ровно два? Все, мой милый, я пошла за пирожками. В моем возрасте привычкам изменять нельзя.

Мы расстались недовольные друг другом. Никогда еще я не был так зол на заведующую, как сейчас, и даже не предложил подвезти ее к пирожковой, куда она с педантичной точностью ходила каждый день.

Лучше бы я пошел в тренажерный зал к Гере и выплеснул дурную энергию на кетлеровские станки. Но мою машину как магнитом потянуло в автошколу, и я, работая только педалью тормоза, покатился с горки мимо кафе "Встреча", старого немецкого кладбища, крепостного барбакана, думая о том, что в разговоре с Лебединской не был до конца откровенен. Меня взволновало не только ее легкомысленное отношение к дорогому антиквариату. Незнакомец, назвавшийся Лембитом Лехтине, интересовался мной у заведующей выставочным залом не случайно. Только генуэзское золото, подобно компасу, могло потянуть в мою сторону коллекционера. Откуда эстонец мог узнать о том, что у меня есть позднебоспорские монеты? И знает ли он главное – сколько их у меня?

Раздумывая, я машинально затормозил у распахнутых настезь ворот гаража, потянулся рукой к ключу зажигания, заглушил мотор и, чувствуя, что сейчас наломаю дров, швырнул на панель брелок с дистанционным управлением гаражными воротами. Опять эти бездельники оставили их открытыми! Сколько раз просил всегда держать ворота взаперти!

Остывая очень медленно, как доменная печь, я загнал машину в гараж, закрыл и запер на замки все, что было можно, и на автобусе доехал до автошколы.

Красная "шестерка" с предупреждающей надписью на капоте: "ОСТОРОЖНО, ЗА РУЛЕМ УЧЕНИК!", переваливаясь с бока на бок по разбитой дороге, как утлое суденышко на шаловливой волне, выкатилась из ворот автошколы и медленно, со скоростью катафалка, свернуло к гаражам. Я подождал, когда она остановится, и вышел из своей засады.

Конечно, в таком взвинченном настроении не стоило отправляться на встречу с Ингой, но не в моих правилах было отказываться от встречи, тем более, что я же ее и назначил. Полагая, что Виктор уже рассказал Инге о рокировке, и вопрос решен, я с некоторым недоумением увидел, что мотор у "жигулей" продолжает работать, а Виктор, сидя на инструкторском месте, о чем-то эмоционально говорит девушке, включая и выключая рычаг поворотных огней.

Я открыл дверцу, склонился и сдержанно, как и подобает учителю с ученицей, поздоровался с Ингой. Виктор осекся, раскрыл рот и хлопнул себя по лбу, очень фальшиво сыграв провал в памяти.

– Я ж совсем забыл! – с досадой произнес он, глядя то на меня, то на Ингу. – Мне же надо сегодня ехать в Белогорск!

Он врал настолько плохо, что меня покорило, и я нетерпеливо хлопнул его по плечу.

– Ну, давай! Выметайся!

Инга, еще не понимая, что происходит, настороженно смотрела на меня своими зелеными глазами. Ее круглые черные очки были сдвинуты на лоб и поддерживали высветленную челку. Смуглые, гладкие как каштаны скулы оттеняли впалые, с ямочками, щеки. Губы, покрытые перламутровой помадой, были слегка приоткрыты; кончиком языка девушка водила по краю зубов – я вспомнил, так же она делала, когда разговаривала со мной первый раз. Наверное, эта привычка была сродни нервно-сдержанному движению хвоста кошки.

– Это как понять? – спросила она меня, когда я взгромоздился на сиденье инструктора и стал подгонять его под свой рост. – Я вас сюда не приглашала.

– Инга! – заискивающе произнес Виктор, приседая, нагибаясь то влево, то вправо, чтобы за моими плечами увидеть девушку. – Я забыл вас предупредить! Меня временно заменит мастер вождения Кирилл Вацура...

Я незаметно двинул локтем Виктора в солнечное сплетение и повернул лицо к Инге.

– Вообще-то меня зовут Бартолемео Лесепс, – поправил я, захлопывая дверь. – Но это не имеет значения. На Виктора свалились проблемы, ему срочно надо в Белогорск, поэтому учить вас вождению буду я.

Инга как-то странно посмотрела на меня, словно была иностранкой и плохо понимала русскую речь. Виктор бочком пятился к забору автошколы, поглядывая на машину; губы его шевелились, он бормотал себе под нос либо молитву, либо проклятия.

– Не робейте, – сказал я, чувствуя, что пауза затянулась. – Я буду с вами очень вежлив... Сцепление, первая передача и плавно трогаемся.

Инга опустила руку на рычаг скоростей, сдвинула его вперед и сбросила сцепление. Машина дернулась и заглохла.

– Извините, – прошептала девушка.

Она была слишком рассеянной, чтобы нормально вести машину. Виктор уже дошел до ворот. Стоя на въезде, он жевал губу и следил за нами. Я только сейчас нашел под своими ногами парные педали тормоза и сцепления и приступил к обязанностям инструктора.

– Еще раз, – сказал я, глядя на профиль девушки. – Запускаем мотор, первая передача, добавляем газ и плавно отпускаем сцепление.

Я придерживал педаль на тот случай, если у Инги опять ничего не получится. Она крепко ухватилась за руль, налегла на него так, что ее подбородок коснулся "баранки". Я обратил внимание на то, что девушка смотрит не на дорогу, а на панель приборов, и ее широко раскрытые глаза быстро наполняются тревогой. Стрелка тахометра плавно ползла вверх. Старая "шестерка" задрожала, двигатель стал с хрипотцой подвывать, как осенний ветер на высоковольтных проводах.

– Ну! Смелее! – поторопил я, чувствуя, как легко и органично вошел в роль инструктора.

– Не смотрите на меня, – сквозь зубы процедила Инга.

Я коснулся затылком подголовника и сложил на груди руки. Виктор исчез. По ветровому стеклу рассыпались мелкие капли дождя. Синоптики, как всегда, ошиблись, предсказывая сухую и жаркую погоду. "Шестерка" дрожала, словно озябший конь. Я думал о том, что невозможно одновременно учить девушку вождению и набиваться к ней в любовники. Одно исключает другое.

Инга вдруг тряхнула головой, словно хотела избавиться от нахлынувшего на нее оцепенения, сбросила газ, заглушила двигатель и выскочила из машины столь

быстро, как если бы в салоне начался пожар. Ее бежевые шелковые брюки, расклешенные внизу, колыхались, играли в свете, будто по ногам девушки струилась вода. Она сделала несколько стремительных шагов и остановилась спиной ко мне перед гаражом, обшитым рваной оцинкованной жстью.

Мне не хватало только ее капризов, с унынием подумал я и почувствовал, как любопытство к актрисе угасает. Ингу я представлял намного более интересной, чем она была.

Я посигналил. Девушка продолжала упираться взглядом в гараж и срывать с корявой ветки листья.

И мне это надо? – еще более расстраиваясь, подумал я, дотянулся левой рукой до руля, тронулся с места и медленно подъехал к Инге.

– Да что вы так переживаете? – крикнул я в окно. – Все у нас с вами будет хорошо.

Инга вдруг повернулась к машине лицом, решительно подошла к двери и распахнула ее. Сложив на груди руки, она выставила одну ногу вперед, словно хотела подчеркнуть свою независимость, и спросила:

– Ну? Что дальше? Что вы еще хотите от меня?

Мне стало за нее стыдно. Вот тебе и актриса, подумал я. Нормально сыграть целомудренную дуру – и то не смогла.

– Ничего я от тебя не хочу, – ответил я, не глядя на Ингу и с сухим треском проводя ногтями по щетине на щеках. – Хочешь тренироваться – садись, не хочешь – беги за Витей. У меня мало времени.

Чтобы тебе поверили сразу и полностью, надо разозлиться. Злость – наиболее искреннее проявление человеческих чувств, в котором трудно ошибиться. Инга не сразу, но все же села за руль, бесцельно подергала рычаг передач, несколько раз качнула педаль сцепления и откинулась на спинку сидения.

Она мгновенно перевоплотилась.

– Не пойму, что это на меня нашло! – сказала она уже другим голосом, глядя на меня с выражением той кокетливой вины, какое бывает у женщины, нечаянно заснувшей на постели незнакомого мужчины. – Голова пошла кругом! Не сердись на меня, ладно?.. У тебя на переносице то ли солярка, то ли уголь.

– Что у меня на переносице? – не понял я.

Инга не стала повторять, незаметным движением вынула из кармана шелковой жакетки платок, источающий горький аромат духов, и провела им у меня между бровей.

– Я понимаю, что инструктору положено... – произнесла она, старательно натирая мой лоб. – И все же так будет лучше.

Нет, не зря я решил подменить Виктора!

– Если ты не остановишься, – предупредил я, – то протрешь дыру.

Инга опустила руки и посмотрела на мое лицо, как ваятель на свежевылепленный бюст.

– Да, – согласилась она. – Немного перестаралась. Впрочем, у тебя такой тип лица, который трудно чем-либо испортить.

– Спасибо, – на всякий случай сказал я, хотя не понял, комплимент это был или же наоборот. – Ну что? Может быть, попытаемся проехать десяток метров?

– Да! – согласилась Инга и решительно взялась за рычаг передач. – Принимать экзамен будет Браз, а его лучше не нервировать.

– Браз – это инспектор ГАИ? – предположил я.

– Нет, это наш режиссер... Ну, куда рулить?

На этот раз она плавно тронулась с места и уверенно провела машину между гаражей.

– Первый раз обучаю актрису, – признался я.

– Так это же замечательно, – отозвалась Инга. – Это же прекрасный повод...

Она не договорила, для каких действий это прекрасный повод, вырулила на улицу Садовую и вдруг резко вдавила педаль акселератора в пол. Мотор взревел, как слон, наступивший на гвоздь, стрелка тахометра сразу вляпалась в красную зону. Я вовремя сбросил сцепление и притормозил – улицу где попало перебежали люди, и они не знали, как сильно рискуют. Потом почувствовал, как в лицо плеснул жар. Оказывается, учителем я был осторожным и даже трусливым, чего нельзя было сказать о моих водительских качествах.

– Педалью газа пользоваться надо ласково и нежно, – сказал я. – Представь, что ты идешь по болоту и каждую кочку проверяешь на прочность кончиком ноги.

Инга посмотрела на меня. В ее глазах, цвета болотных кочек, полыхал холодный азарт.

– Нет, дорогой мой тиче Бармалей Леплес...

– Бартолемео Лесепс, – поправил я.

– Я должна научиться не столько водить машину по правилам, сколько эффектно, с визгом и искрами трогаться с места и быстро набирать сумасшедшую скорость.

– Ах, вот оно что! – протянул я. – А зачем тебе это надо?

– В фильме будет эпизод, как студентка Марта убегает от мафии, прыгает в первую попавшуюся машину и срывается с места. Марту буду играть я. Мне предлагали дублера, но я отказалась, пообещала, что за десять дней, пока оператор и художник занимаются выбором природы, научусь выполнять этот трюк.

– Понятно, – ответил я. – Теперь все понятно. Только на старой "шестерке" сумасшедшую скорость тебе вряд ли удастся развить.

Дорогу опять заняли прохожие. Мы терпеливо ждали, когда взлетная полоса освободится.

- Ты играешь главную роль? - спросил я.

- Да, - кивнула Инга.

- А как фильм будет называться?

- "Час волка". Там будет и современность, и средневековье. В современной части я играю Марту, а в исторической - графиню Лавани... Ой, смотри! Смотри! - Она тыкала пальцем в ветровое стекло.

- Куда смотреть? - не понял я, выворачивая шею.

- Наверх!

- А что там я должен увидеть?

- Дельтаплан с мотором!.. Поздно, улетел уже.

- Да видел я его тысячи раз! Зачем так громко кричать?

- В нашем фильме тоже будет дельтаплан. Он зависнет над моторной лодкой, а Марта ухватится за свисающий фал...

- Марта, насколько я понял, это ты?

Инга опять попыталась эффектно стартовать. В общем, уже что-то вырисовывалось, хотя она еще не уловила тот тонкий момент со сцеплением, при котором двигатель не глохнет, а колеса шлифуют асфальт с визгом и дымом.

Мы подкатили к рынку. Народ тучами проплывал перед машиной. Я держал ногу на тормозе.

– Остановись у обочины, – попросил я.

Инга решительно кинула машину на бордюр. Я лишь головой покачал.

– Плохо, да? – с надеждой спросила она.

– Постоим минутку, ладно? – ответил я, приоткрывая дверь, чтобы запустить в салон сквознячок.

У входных ворот кругами ходили менялы, шлепали пачками купюр по ладони и безостановочно бормотали:

– По выгодному курсу... Рубли на доллары, доллары на гривны, гривны на рубли...

Я искал среди них усатого, Вечного Мальчика, как я называл тощего спекулянта по кличке Холера, с лицом, усеянным, как прыщами, мелкими носиком, ротиком, глазками, с аккуратным пробором, свежей стрижкой и дурным запахом дешевого одеколona. Ему было за сорок, но выглядел он как болезненный подросток. Он прятался от солнца в тени козырька у входа в мясной павильон и искоса наблюдал за нашей машиной.

Я не стал к нему подходить и качнул головой. Вечный Мальчик, соблюдая понятную только ему конспирацию, медленно прошелся до ограды, оттуда к остановке автобуса, видя все вокруг себя, после чего, шлепая купюрами по ладони, приблизился к "шестерке".

– Здравсьте! – по своему обыкновению поздоровался он, слегка склоняясь над дверью и мельком взглянув на Ингу. – Какие проблемы? Баксы нужны или рубли?

– Мне Кучер нужен, – без долгого вступления сказал я.

– Нужен – найдем, – негромко пропел Вечный Мальчик. – А чего это ты на "шестерку" пересел? С "ниссаном" что-нибудь случилось? Зато водитель у тебя – нет слов!

- Завтра я жду его на остановке у гостиницы "Горизонт" в это же время, - сказал я, глядя на рыжий пробор менялы, присыпанный, как песком, перхотью.

- А что я буду с этого иметь? - спросил Вечный Мальчик, двигаясь всем телом, словно под его одеждой табунами бегали вши.

- Вставные передние зубы, - пообещал я. - Не слышал о таком нумизмате Лембите Лехтине? На рынке он не появлялся?

- Редкая фамилия, - ответил Вечный Мальчик, перебирая купюры, как колоду карт. - Не слышал и не встречал.

Я захлопнул дверь. Инга помахивала перед лицом журналом.

- Жарко? - спросил я. - Еще немного поработаем, потом поедем кушать мороженное, а завтра я научу тебя сходу разворачиваться на сто восемьдесят градусов, так, что пыль пойдет столбом. Твоему Бразу понравится.

- Да? - удивленно спросила Инга и взглянула на меня чисто женским взглядом. - А разве завтра мы тоже вместе?

- А тебе этого не хочется?.. Поехали!

Она не ответила, завела машину.

- Куда едем, мой тиче?

- Прямо, к автостанции, потом свернешь направо. Там село Дачное находится, дорога не загружена, можно тренироваться. Заодно выполнишь одну мою просьбу.

- Какую?

- Узнаешь.

Мы выехали на шоссе, миновали каменные башни горы Гребешок и свернули на грунтовую улочку, зажатую с двух сторон заборами, из которых ломились пышные сады. Инга вела машину ровно, и я на некоторое время забыл про свои обязанности, погрузившись в тяжелые мысли.

- Стой! - скомандовал я.

- Что это за деревня? - спросила Инга, когда пыль вокруг нас развеялась.

Я смотрел на ее ухоженное лицо. У нее любовников больше, чем поклонников, подумал я. Все первые лица кинематографа и все вторые: помреж, помопер, помхуд, помрук, помзад...

- Опусть очки на глаза.

Она послушалась, но тотчас заметила:

- У тебя взгляд, как у Браза.

- И что в его взгляде интересного?

- Он всегда смотрит на артиста, как на бутерброд, который продают в вокзальном буфете.

- Пройди, пожалуйста, по этой улице вперед метров сто, - сказал я, продолжая смотреть на Ингу, как на вокзальный бутерброд. - Справа увидишь двухэтажный дом с мансардой, номер сто тридцать четыре, покрыт красной кровельной медью. В общем, не ошибешься. Позвонишь. Если выйдет детина ростом выше меня и с лысиной, гладкой как луна, скажешь, что тебе нужен господин Кучер. Он не признается, начнет спрашивать: зачем, для чего? А ты скажешь, что интересуешься старинными монетами.

- Это все?

- Да, все. Весь фокус заключается в том, что он тебе ответит. Тебе, артистке, не трудно ведь сыграть нумизмата?

– Я многое могу сыграть.

– Тогда сделай одолжение. Не бойся, это не страшно... Да, подожди! Вот сто долларов. Без них он не станет с тобой разговаривать.

Инга вышла, поправила прическу и протянула руку.

– Сумочку!

– Что? – не понял я.

– Мою сумочку дай!

– Да, конечно! – усмехнулся я, взял с сидения маленький черный чемоданчик размером с книгу и протянул Инге. Не доверяет, подумал я.

Инга не очень решительно зашагала по улочке, оборачиваясь и глядя на меня, словно проверяя, не розыгрыш ли это? Я пересел за руль и развернул машину. Инга шла посреди улицы, рассматривая утонувшие в садах дома. Ее бежевый костюм блестел и отливал металлом. Она выглядела слишком броско для этой пыльной дачной улицы и совсем не была похожа на нумизматику.

Ничего он ей не скажет, думал я. Зря на него собак вешаю.

Инга скоро вернулась. Я подумал, что она не застала Кучера дома.

– Ну? – поторопил я ее, когда она села рядом.

Кажется, девушка получала удовольствие от того, что могла испытывать мое нетерпение.

– Значит, так, – начала она и посмотрела на потолок кабины. – Он дал адрес. Улица Набережная, дом два. Это там, где ремонтируется частная гостиница...

Гравий вылетел из-под задних колес машины с силой пулеметной очереди. Ингу швырнуло на спинку сидения; она хотела ухватиться за поручень над дверью, но

промахнулась, и ее ладонь, описав дугу, шлепнула меня по лицу. Набирая скорость на предельных оборотах, я послал машину на шоссе, выскочил на встречную полосу и, уступая место идущему в лобовую грузовику, пропылил по обочине.

- Вот именно так... - произнесла Инга, придя в себя, когда "шестерка" гладко покатила в город. - Я тоже так хочу...

- Занятия закончены, - зло сказал я.

- А мороженное? - мгновенно расстроилась Инга.

- Мороженное отменяется!

Сволочь, подумал я. Зарою!

5

Кто сказал, что вспыльчивые быстро отходят, по отношению ко мне были весьма далеки от истины. Если я вспыхиваю по какой-либо причине, то успокаиваюсь лишь тогда, когда начисто устраняю причину, побудившую меня нервничать. А до этого я всю свою эмоциональную энергию просто заталкиваю в маленькую крепкую емкость и до поры до времени навешиваю чеку. Словом, я весь из себя - очень взрывоопасный человек. Инга, естественно, этого не знала.

- Остыл? - заботливо спросила она меня, когда мы покатались по центральной улице города, такой же пересушенной, как и до дождя. Отдыхающие, как куры на птицеферме, разбегались из-под колес "шестерки" во все стороны. Меня это забавляло.

- Ты ожидал, что он назовет какой-нибудь другой адрес? - снова спросила Инга.

- Я ожидал, что он вообще ничего тебе не скажет и не возьмет деньги, - пояснил я. - А вообще, не спрашивай меня ни о чем, все это тебя не касается.

- Ты поехал поворот в автошколу, - заметила девушка.

Я в самом деле забыл, что еду на чужой машине, и что Ингу пора возвращать туда, где взял. Но из-за упрямства я не стал тормозить и разворачиваться.

- Поздно, - проворчал я.

- В каком смысле?

- Какая же ты непонятливая, - покачал я головой. - Просто диву даюсь, что таких, как ты, берут в актрисы.

Инга ответила не сразу, и я сначала подумал, что ей можно хамить безнаказанно.

- Знаешь, дорогой мой тиче, - сказала она звонко. - Если у тебя не ладятся какие-то дела, то не надо срывать злость на малознакомом тебе человеке. Это дурной тон.

- Во! - Я вздернул кверху указательный палец. - Точно! Ты права! А потому надо познакомиться еще ближе.

- Особого смысла я в этом не вижу.

- Напрасно! Никто не научит тебя мгновенно разворачивать машину вокруг своей оси... Так я не понял, ты хочешь мороженого, или тебя высадить?

- А почему ты так со мной разговариваешь?

- Потому что я битый час учу тебя вождению, а ты по-прежнему не различаешь педали тормоза и сцепления, - откровенно хамил я.

- Останови машину! - крикнула Инга.

- Как же, сейчас! - закивал я. - Я тебя отпущу, а ты потом посеешь повсюду сплетни, что я бездарный педагог. Да Макаренко и Сухомлинский в сравнении со

мной – младенцы памперсные! Ты лучше выгляни в окно и посмотри, не отвалилось ли правое переднее колесо – что-то нас в сторону стало уводить.

– Останови немедленно! – пискнула Инга и стукнула меня кулаком в плечо.

Это меня рассмешило, и я страшно захохотал, отчего машина стала вилять, как лыжник на трассе слалома. Беспрерывно подавая сигналы, я на большой скорости взлетел на подъем у кладбища, как бы между делом заметил, что на этом опасном участке каждый день водители насмерть бьются, с воем промчался по Приморской, отравляя курортный воздух выхлопами с повышенным содержанием СО, и, наконец, остановился у музея.

Инга притихла. Она съехала куда-то под "бардачок", отчего ее коленки оказались на уровне лица. Я коснулся ее щеки пальцами и нежно потрепал за кончик уха. Она мне понравилась еще больше.

– Ты сумасшедший? – доверительно спросила Инга.

– Я хочу с тобой переспать, – признался я.

– Наглец, – устало ответила Инга и открыла дверь.

– Пстой! – Я тронул ее за плечо. – Еще одна просьба.

– А не много ли просьб на первый раз?

– Тебе это ничего не будет стоить, а мне приятно.

– Ну?

Если бы обиделась, то непременно бы ушла, умозаклучил я. А раз не ушла, значит, мое предложение ей понравилось.

– Посиди в машине, а я загляну на минутку к своей давней подруге.

Инга шумно выдохнула, снова села рядом и с деланным интересом стала изучать ногти.

В самом деле, подумал я, выходя из машины, я веду себя как идиот. Во всем виновата Анна. Женщины вообще виноваты во всем. Мужчины – святые!

С этими мыслями я поднялся по ступеням к двери выставочного зала и подергал отполированную ручку. Дверь была заперта. Я взглянул на часы: четверть третьего. Все ясно. Тетя Шура ушла за пирожками.

– Ты хотел сводить меня в музей? – спросила Инга, когда я вернулся.

Я молчал. Мне хотелось выговориться. Мне очень не хватало друга.

– Видишь ли, к заведующей недавно подходил какой-то мужичок из Прибалтики, мной интересовался. Ну, Лебединская из добрых побуждений дала ему от ворот поворот. А я сейчас подумал, раз Кучер за сто баксов кому хочешь даст адреса местных коллекционеров, то зачем от этого эстонца прятаться. Правда?

– А ты коллекционер?

– Да как тебе сказать?.. Когда в школе учился, то выменял у друга за жвачку два полтинника пятьдесят третьего года.

– Какая интересная у тебя была школьная жизнь! – заметила Инга. – И в самодеятельном театре ты участвовал, и монеты менял.

– Это что! Вот познакомимся ближе, я тебе еще и не такое расскажу.

– А что ты сейчас хотел от этой Лебединской?

– Во-первых, чтобы подробно обрисовала мне этого эстонца – вдруг случайно встречу его на пляже или на рынке. А во-вторых, надо предупредить ее, чтобы смело дала мой адрес, если он снова к ней придет. Познакомлюсь, поговорю, узнаю, что ему от меня надо. Но Лебединская ушла в пирожковую. Она всегда ровно в два идет к кинотеатру за пирожками... Мороженого хочешь?

- Послушай, ты уже десятый раз спрашиваешь!

- Разве? А я и не заметил... Ну, раз не хочешь мороженого, поехали ко мне, покажу свою гостиницу. Кажется, в холодильнике пара бутылок шампанского валяется.

Я развернул машину, посигналил Валерке, начальнику спасательной станции - тот чуть авоську с бутылками не выронил, когда увидел меня на такой экзотической машине.

Инга опустила руку мне на плечо.

- Знаешь что, тиче? Не будем форсировать события. У меня сейчас нет времени ехать к тебе.

- Что значит - нет времени? Еще не прошел первый академический час!

- Уже прошел второй астрономический. Отвези меня, пожалуйста, на набережную, к "Прибою", где чешское пиво.

- Ты хочешь пива?

- Нет. Просто меня там давно ждут.

- Кто ждет?

- Да уймись ты! - прикрикнула Инга. - Столько вопросов! Я вовсе не обязана обо всем тебе рассказывать!

- Это тебе только так кажется! - отмахнулся я. - Учитель для тебя ближе мамы. Заруби это у себя на носу!

Я не стал давать кругалю и поехал на набережную через военный санаторий. В одном месте, правда, пришлось скакать по ступенькам, и Инга несильно ударилась темечком о потолок кабины.

– Господи, за какие грехи ты свел меня с этим человеком? – взмолилась Инга, потирая ушибленную голову.

Я выкатился к причалу, аккуратно объезжая обнаглевших курортников, которые млели на асфальте, как гамбургские сосиски на гриле.

– Останови! – сказала Инга. – Вон они! Подъезжать не надо. Лучше, чтобы нас не видели вместе.

Метрах в пятидесяти от нас пристроились на парапете с пивными кружками трое мужчин. Одного из них, с большим кофром, с проплешиной, но бородатого, в шортах, из которых торчали тонкие и волосатые ноги, я сразу окрестил Художником. Как в воду глядел.

– Это наш художник Эдик, – пояснила Инга. – Они ходили на выбор природы.

– А рядом с ним кто? Мужчина или женщина?

– Сам ты женщина! Это режиссер Браз. Просто у него прическа такая.

– А пижон в белом костюме и шляпе?

– Это продюсер.

– Кто-о-о? Я и слов таких не знаю.

– Продюсер, – повторила Инга каким-то странным голосом. – Тот, кто за все платит.

Я глянул на нее, потом на пижона в белом костюме. Лет под пятьдесят, гладко выбрит, бронзовый загар, волосы с проседью, орлиный нос, сигарета в золотом мундштуке.

– Все понятно, – сказал я.

– Что тебе понятно?

– Все, – гробовым голосом повторил я. – Но ты мне оставляешь надежду?

Инга улыбнулась и опустила на глаза очки.

– Гуд бай, май тиче! Целуй!

Она подставила щеку. Нашла, понимаешь, мальчика! Я легко притянул ее, развернул лицом к себе и с первого раза попал своими губами в ее влажный рот.

– Сумасшедший! – выпалила Инга, когда у меня закончился воздух и я расслабил руки, позволив ей свободно двигаться. У губной помады был вкус персика.

– Завтра в тот же час, в том же месте! – напомнил я.

Хлопнула дверь. Я смотрел, как Инга входит в роль актрисы, приближающейся к своему продюсеру. Она шла, как по подиуму. Коричневые мужики в плавках, обсыпанные песком, как котлеты сухарями, отрывали от подстилок головы и провожали ее косыми глазами. Черноокий юноша в символически белом халате, размахивая шампуром с осетриной, попытался привлечь ее внимание. Но Инга не видела никого, кроме пижона в белом.

И все-таки день прошел не зря.

6

Я уже собирался упасть на постель и не вставать до утра, как раздался низкий зуммер системы "шериф", которую я обычно включал на ночь. Гостей я не ждал, потому был несколько озадачен.

Я открыл окно и посмотрел вниз, но из-за плотных сумерек и пышной кроны абрикосового дерева, растущего под окном, ничего нельзя было различить.

Некстати я вспомнил про таинственного нумизмата из Прибалтики и, стыдясь самого себя, снял со стены гладкоствольное помповое ружье с дарственной

надписью начальника уголовного розыска области и, словно охотник на медведя, пошел вниз.

Я вышел во двор. Опрокинутый, как качели, над Консульским замком висел желтый месяц. Теплый ветер доносил отрывки музыки, доносящейся с танцевальной площадки. Где-то рядом, в упругих свечах туи, надрывались цикады. Не знаю почему на меня так подействовало воспоминание о Лембите Лехтине, но я на всякий случай передернул затвор и, держа оружие наизготове, неслышно приблизился к стальной двери калитки. Кто-то несильно постучал в дверь ногой.

Я сдвинул в сторону засов и резко распахнул дверь. Сначала я почувствовал горький запах духов, а только потом увидел, как из темноты проявляется нечто похожее на большую чайную розу.

– Инга! – воскликнул я. – Ты?

Мои глаза еще не привыкли к темноте, и я ориентировался хуже Инги. Мне казалось, она не должна была заметить ружье, которое я опустил вдоль туловища, прижимая его к телу рукой, но девушка, едва переступив порог, сразу спросила:

– Что это ты с оружием? Случилось что-нибудь?

Мне было очень стыдно, и я сконфуженно кивнул на доходягу:

– Да вот... решили ворон попугать.

– Понятно, – ответила Инга серьезно и внимательно посмотрела мне в глаза. – Вообще-то я ненадолго, не переживай.

Она была одета в салатное декольтированное платье, которое люминесцентно отливало в свете луны. Оголенные намного выше колен ноги в сравнении с белыми туфлями казались почти черными от загара, и в темноте их нельзя было рассмотреть как следует. Я почувствовал, что от слов девушки идет легкий запах спиртного и подумал: из ресторана.

Я "завис". Настроившись на встречу с незнакомым типом, что не исключало мордобой, я не мог сразу перестроиться. Инга восприняла затянувшуюся паузу, как отрицательную реакцию на свой приход, и сказала, попятившись к калитке:

– Я лучше зайду к тебе завтра.

Эх, шляпа! – подумал я и словно пробудился ото сна. Взял Ингу за руку, притянул к себе и закрыл дверь.

– Извини, – сказал я ей. – Я совсем не ожидал, что это ты.

Она смотрела на темные окна гостиницы, стеклянный барабан бара, дворик кафе, заваленный носилками, железными ящиками с раствором, мешками с цементом, лопатами, досками и прочим мусором.

– Значит, вот здесь ты живешь?

– Можно так сказать.

– У меня к тебе деловое предложение.

– Валяй!

– Покажи мне гостиницу. Где тут вход?

– Здесь. Надо пройти через бар.

Я включил освещение. Неоновые лампы, идущие по периметру тонированных окон, вспыхнули молочно-белым светом.

– Как здесь уютно! – воскликнула Инга.

Наконец-то я рассмотрел ее ноги, но пришел к другому выводу:

– У тебя красивое платье. Я только не пойму, как ты его снимаешь: через голову или вниз?

– Вниз, – ответила Инга мимоходом, рассматривая причудливые картины с встроенными в них кусочками черепицы и обрывками пеньковой веревки. – А где вход в номера?

Я взял Ингу за руку и повел по винтовой лестнице, освещенной настенными бра в виде факелов, на третий этаж.

– Как в замке. Мне здесь нравится! – произнесла она. – Наверное, ты вбухал сюда мешок денег... А это что?

– Это дверь в мою резервацию.

– Куда-а??

– Сейчас увидишь.

Я открыл дверь, обитую коричневой "дутой" кожей и, не зажигая освещения, провел Ингу в кабинет, из которого через дверь-купе можно было попасть в спальню со стеклопластиковым полукруглым окном во всю стену, откуда открывался прекрасный вид на море и Крепость, душевой кабиной и барной стойкой из красного дерева со встроенными холодильником и микроволновой печью.

Через витражное окно в кабинет почти не проникал свет, и девушке пришлось положить руки мне на плечи, чтобы сослепу не налететь на стул или шкаф.

Мы зашли в спальню. Я почувствовал, как Инга начала таять.

– Какое окно! Это же сцена! Подиум! – шепотом произнесла она, подходя к стеклянной стене, разделенной металлическими рейками на трапеции, образуя что-то похожее на гигантскую паутину. – Крепость! Небо! Звезды!

Как-то ты кровать не заметила и не оценила, подумал я.

Она сдвинула в сторону невесомую тюль. На ее лицо упал слабый свет луны. Я стоял с ней рядом. Мы молчали.

- Ну? - прошептала она. - Не стой. Сними с меня платье.

Ее слова кружили голову. Я повернул Ингу к себе. Она уже была моей. Я коснулся ладонями ее лица, провел по округлым плечам, зацепил пальцами край платья и потянул его вниз. Грудь было тесно, и платье, сопротивляясь, трещало.

- Черт с ним, - успокоила меня Инга, скидывая с ног туфли. Платье упало на пол. Она перешагнула через него, встала лицом к окну и оперлась руками о стекло.

- Может, ты ляжешь? - на всякий случай предложил я.

- Нет! - со стоном нетерпения произнесла она и опустила голову. - Быстрее! Ну же!..

Я чувствовал себя не слишком уютно, словно, в самом деле, вдруг оказался на большой сцене. Наверное, Инге было так привычнее, ведь у актеров свои причуды. Меня же утешало то, что луна светила не слишком ярко, и время было позднее. Инга била ладонями по толстому стеклу, словно пыталась вырваться наружу и схватить в охапку звезды. Стекло гудело, как колокол. Потом она стала слабеть, оседать, и я почувствовал ее спину, щекочущее прикосновение ее волос, ее влажный рот; она стояла на коленях, будто умоляла меня остаться, а я стремительно входил в роль, которую она мне навязала, и мне уже было наплевать на сцену, на луну со звездами, и узкий мир между стеклом и тюлью превратился во Вселенную...

Не знаю, как я устоял. Инга лежала на полу у моих ног в лунном свете. Актрисы - такие же люди, как и все, почему-то подумал я, уходя вглубь спальни, в непроницаемую темень, потому как опять стал стыдиться своей наготы. Когда я вышел из душевой кабины, одетый в черный шелковый халат, она стояла у окна. Точнее, она прижалась к стеклу, подняв руки над головой.

- Оденься, - попросил я.

- Зачем?

- Ты выставила себя напоказ.

- Ну и что? - не оборачиваясь, ответила она. - Это же хорошо! Об этом только и мечтают актеры!

- Это не экран, Инга. Это окно квартиры.

- Ты думаешь, в этом есть большая разница?

Она одевалась медленно и лениво. Я изо всех сил убеждал себя в том, что она мне еще интересна и одновременно с этим разогревал кофе.

- Вот номера, - сказал я, когда мы вышли в коридор. - Есть однокомнатные, есть двухкомнатные.

- Свет? Горячая вода? - спрашивала она, открывая одну за другой двери. - Холодильник? Телевизор?

Я утвердительно мычал.

- Мне нравится, - окончательно резюмировала Инга и вернулась ко мне. - Значит так. Мы подыскиваем на время съемок приличную гостиницу.

- Кто мы? - уточнил я.

- Съёмочная группа.

- Сколько вас человек?

- Режиссер, оператор и я.

- А продюсер?

- Он уже нашел себе место, - быстро ответила Инга. Я заметил, что ей неприятен мой интерес к личности продюсера.

У меня в голове пронеслась ругательная тирада. Мой аппетит в отношении актрисы был весьма скромнен, и я совсем не претендовал на что-то большее, чем

на один час в общем автомобиле и на одну ночь в общей постели. Инга намеревалась поселиться в моих апартаментах минимум на месяц, причем, без продюсера, который был бы естественным заслоном между мной и ней. Значит, то, что произошло между нами, может повториться и в дальнейшем. А это в мои планы не входило. После Анны я зарекся заводить длительные отношения с женщинами.

- У меня пока не работает кухня и идет ремонт сауны, - сказал я. - Во дворе цемент, пыль, грязь.

- Это не важно. Все равно мы днем питаемся бутербродами, а вечером идем в ресторан, - махнула рукой Инга. - Ну, как? Завтра можно въезжать?

- Хуже всего то, - не сдавался я, - что рабочие иногда пашут здесь до глубокой ночи, а то и до утра. А когда работает перфоратор, это, знаешь, хуже зубной боли.

- Не переживай! - Инга доверительно опустила ладонь мне на плечо. - У нас половина съемок - ночные, и мы неделю можем сидеть в палаточном городке на Соколе.

- А хочешь, я помогу вам устроиться в гостиницу "Горизонт"? - уже без всякой надежды предложил я.

- Что ты! В "Горизонте" по коридорам отдыхающие толпами ходят. Там нет никаких условий для работы.

- Но у меня дорогие номера!

- У нас богатый продюсер, - так же уверенно ответила Инга. - Он все оплатит.

Мне ничего не оставалось, как принять ее предложение. Инга радостно хлопнула в ладоши и тотчас стала выбирать апартаменты для себя. Ей приглянулся однокомнатный номер на втором этаже с маленькой лоджией, откуда открывался чудесный вид на город. Я вздохнул облегченно - хорошо, что она поселилась не по соседству с резервацией.

В своем номере она и осталась ночевать.

7

Телефонный звонок застал меня в душе. Пришлось голому и мокрому идти к аппарату. Звонил Виктор.

- Ну, старина, ты даешь! - ворчал он. - Лишний час перекатал! Мне такой втык в школе дали! Ты хотя бы обо мне бы подумал! Я пошел тебе навстречу...

В его положении не стоило так откровенно наезжать на меня. Пришлось мне коротко, но доступно объяснять Виктору, что за все в жизни надо платить, в том числе и за удовольствие не возвращать вовремя долги.

- Подгони машину к моей гостинице, - сказал я ему. - Мы с Ингой договорились встретиться здесь.

Инга, наверное, еще спала, во всяком случае из-за двери ее номера не доносилось ни звука. Я не стал ее будить, спустился во двор, где уже добросовестно размешивал раствор мой самый трудолюбивый рабочий по кличке Доходяга, вывел "ниссан" из гаража и поехал на ремонтно-дорожную базу за цементом.

Вернулся я во втором часу, опоздав к началу занятий. Красная "шестерка" уже стояла у гаражных ворот, Инга и Виктор, присев на край капота, о чем-то говорили. Увидев мою машину, Виктор вяло махнул рукой и пошел к лестнице, ведущей на набережную. Инга, одетая, как и в первый день нашего знакомства, в велотрусы и длинную рубаху-косоворотку, сдержанно поздоровалась со мной и села за руль "жигулей".

- Сцепление, первая передача и плавно отпускаем педаль, - сказал я, подавляя зевок и понимая, что третьего занятия я уже не выдержу.

Машина зашуршала колесами. Мы вырулили на новосветское шоссе. Инга вела машину так, словно засыпала за рулем и никак не могла обогнать "таврию", за

рулем которой сидел инвалид. Я смотрел по сторонам. Знакомый пейзаж действовал на нервы. Где Анна? – думал я. Почему не звонит и не приезжает?

Мы пропылили мимо гостиницы "Горизонт". Я вдруг хлопнул себя по лбу и посмотрел на часы. Без четверти два! Меня уже давно ждет Кучер!

– Останови! – крикнул я.

Инга ударила по тормозам. Я выскочил из машины. Мышцы на руках наливались готовностью к работе. Я сжал кулаки. Долгого разговора не будет, мысленно говорил я себе. Одна минута...

Я зашел в бетонную, изрисованную наскальной живописью коробку остановки. Там никого не было. Заглянул за нее. Ничего, кроме высохших следов жизнедеятельности.

Одно из двух, подумал я, возвращаясь к машине, либо уже ушел, либо не приходил вовсе.

– На рынок! – скомандовал я.

Инга, со страдальческим лицом толкнула рычаг скоростей и вздохнула:

– Сегодня такая скучная программа!

– Учеба – это всегда труд, – изрек я заплесневелую банальность и погрузился в свои мысли. Чувствует кот, чье мясо сожрал, охаивал я образ мешковатого увальня с идеально выбритой головой. Почувствовал недоброе, струсил, решил отсидеться дома. Но ничего, я тебя и там достану. Ты должен понять, что нехорошо продавать мой адрес незнакомым людям.

Машина точно передавала состояние Инги – полусонное, вялое, с заторможенными движениями. На подъеме у "Сурожа" двигатель стал захлебываться. Инга, как ни в чем не бывало, дремала за рулем.

– Да переключись ты на пониженную! – взмолился я. – Не чувствуешь разве, что еле тянет!

- А ты не ори на меня! - огрызнулась Инга. - А то назло не буду переключаться!

- Все! - покачал я головой. - С завтрашнего дня пусть Виктор тобой занимается. Я переоценил свои возможности.

- Слава Богу! - наигранно воскликнула Инга. - Наконец, мной займется настоящий профессионал, не самоучка.

- В самом деле! - продолжал я словесную перебранку. - Он за это деньги получает, а я с какой стати сунулся медведицу вождению обучать? Здесь надо не только педагогом быть, но и дрессировщиком, ветеринаром, зоотехником...

- Это кто медведица?! - вспылила Инга. - Это ты на меня намекаешь?

- Да не дергай ты руль! - крикнул я. - Вперед смотри!

- Нет, ты мне зубы не заговаривай! - завелась Инга. - Ты мне ответь, кого ты назвал медведицей?

- Да я тебя еще не так назову! - рявкнул я, хватаясь за руль. - Вернись на правую сторону!.. Стой, черт тебя возьми! Выметайся с водительского места! Хватит! Откатала свое! Тебе на телеге год тренироваться надо...

Инга продолжала сидеть, крепко сжимая руль. Я вдруг заметил, что ее ресницы дрожат, а на глаза наворачиваются слезы. Ну вот! - подумал я. Перебор!

- Ну-у, - протянул я примиренческим тоном и взял ее за мочку уха. - Не сердись. Я не хотел тебя обидеть.

- Так всегда, - тихо произнесла Инга. - Вчера ты был другим.

Сзади неистово гудел автобус. Мы застряли на автобусной остановке и всем мешали.

- Давай-ка проедем немного вперед, - сказал я. - Ты посиди, успокойся, а я на минутку сбегаю на рынок.

Инга ничего не ответила, на малом ходу прокатилась вперед, остановилась напротив ограды и входных ворот, где тусовались менялы. Я вышел из машины, поискал глазами, но Вечного Мальчика не нашел. Его не было ни в дверях в мясной павильон, ни у будки обмена валюты.

Я покрутился, купил стакан семечек и уже хотел было возвратиться к машине, как увидел мелкое личико с усами, возвышающееся над пирамидами ранних арбузов. Вечный Мальчик, слюнявя палец, отсчитывал кому-то гривны, профессионально поглядывая по сторонам.

Семечки были пережженные, горькие, и я веером рассыпал весь кулек на асфальт, голубям. Вечный Мальчик рассчитался с клиентом и медленно двинулся в обход своего рабочего места, похлопывая пачкой купюр по ладони. Он прекрасно видел, что я хочу с ним поговорить, но, следуя своей идиотской привычке, тянул время.

Я не стал гоняться за ним по пятам, быстро пошел к мясному павильону и встал за дверью у стены. Вечный Мальчик, сделав круг, стал приближаться ко мне. Он меня не видел и, чувствуя, что потерял объект из поля зрения, стал крутить во все стороны головой и даже хлопать пачкой денег перестал.

Он встал ко мне спиной, чтобы видеть весь круг, и в этот момент я шагнул к нему, крепко схватил за ворот рубашки и притянул к себе.

– В кошки-мышки со мной играешь, недоросль? – зашипел я, припирая менялу к стене и легко, как в бубен, шлепнул по его хилой груди.

– Отпусти! – огрызнулся он, хватая меня за запястье потной рукой. – Мужиков свистну – пересчитают тебе ребра.

– Ну-ка, свисти!

– Да не хочу я никаких дел с тобой иметь! – громче сказал Вечный Мальчик, царапая мою руку обгрызенными ногтями.

– Когда дело касается Кучера, – пояснил я, – то мои просьбы надо выполнять.

– Ага, выполнять, – кивнул он, по-прежнему избегая смотреть мне в глаза. – За идиота меня принимаешь? Я в такие игры не играю.

– Что ты несешь? – поморщился я. – Ты предупредил Кучера, что я хочу его видеть?

– Нет! – огрызнулся меняла и как-то странно взглянул на меня своими выцветшими глазками. – Как-то, знаешь, не удалось объяснить покойнику, что ты его хочешь видеть.

– Что?! – Я невольно разжал пальцы. – В каком смысле – покойнику?

– В прямом, – ответил Вечный Мальчик, разглаживая на груди рубашу. – Задохнулся Кучер... Вчера вечером сосед нашел его в гараже. Машина работала на холостых, а Кучер на полу под выхлопной трубой лежал.

Я отступил на шаг, и меняла тотчас этим воспользовался, бочком выскочив на волю. Обалдев от такой новости, я продолжал стоять под козырьком павильона, глядя, как Вечный Мальчик, поглядывая на меня своими перископическими глазками, странным круговым маршрутом удаляется все дальше и дальше, бормоча под нос про доллары, рубли и гривны.

Ну и ну, подумал я, вытирая со лба внезапно выступившие капли пота. Вот чего не ожидал, того не ожидал. Это что же? Несчастный случай или убийство? Вчера вечером... Значит, всего несколько часов спустя, как Инга, прикидываясь нумизматом, выпытала у него мой адрес. Черт возьми, но складывается ощущение, что Кучера грохнул я.

Я встал на автобусной остановке, не в силах собраться с мыслями, и никак не мог вспомнить, зачем я сюда пришел и что здесь потерял. Меня толкали мешками, плетеными корзинками и скользкими плечами. Ах, да! – вспомнил я. Инга!

Я смотрел по сторонам, хлопал глазами и никак не мог сориентироваться, в каком месте оставил машину. Красной "шестерки" не было ни за остановкой, ни перед ней, ни на другой стороне улицы. Второй раздражающий фактор, наслаиваясь на первый, создавал критическую массу.

– Черт возьми! – вслух выругался я, и какая-то полненькая дамочка под белым зонтиком шарахнулась от меня, как от бешеного. – Куда подевалась эта идиотская машина вместе с ее водителем?

Я был смешон, и, осознавая это, злился еще больше. Не смеяться надо было, а за голову хвататься. Смерть Кучера – это очень, очень тревожный сигнал... Но где же, в самом деле, Инга с машиной?

Я прошел по улице вниз до первого перекрестка, полагая, что Инга самовольно решила развернуться, чтобы не тратить понапрасну времени, но в проулке "шестерки" не было. Я вернулся к рынку и прошел метров сто к автовокзалу. Нет ее! Нет, словно никогда и не было.

Это уже совсем не смешно, думал я, сопя, как разъяренный бык. Это совершенно глупая шутка. Выловлю – надаю по заднице...

Тут почему-то я вспомнил минувшую ночь, Ингу, упирающуюся руками в стекло, через которое в спальню, как от съемочных юпитеров, проникал свет луны, и это воспоминание вызвало странное ощущение приближения к тайне.

Нрав свой демонстрирует! Обиделась! – мысленно восклицал я, все еще глядя по сторонам и надеясь увидеть учебную машину. Машины сигналили, как голодные ишаки, объезжали меня, водители кидали недоуменные взгляды и стучали себя пальцем по голове. Я даже не придавал значения тому, что шел по проезжей части. Не вовремя Инга затеяла со мной игру в прятки! Совсем не вовремя. Кучер задохнулся в своем гараже. Какой недобрый знак, какое дурное совпадение...

Я едва успел отскочить в сторону. Красная "шестерка", промчавшись в сантиметре от меня, резко остановилась, подняв дорожную пыль. Явилась! – подумал я, с некоторым облегчением, неторопливо подходя к машине. Сейчас я...

Дверь распахнулась, и вместо лукавых глаз, вместо мстительной усмешки я увидел неузнаваемое, перекошенное от ужаса лицо Инги.

– Скорее!! – не своим голосом крикнула она, выскакивая из кабины, задевая ногой порожек и едва не падая на асфальт. – Садись за руль! Гони!! Умоляю, быстрее!

У меня замерло сердце от предчувствия чего-то страшного. Повинуясь ее сумбурному приказу, я кинулся к распахнутой двери и запрыгнул в машину. Инга села на заднее сидение и, еще не успев захлопнуть дверь, ударила меня по плечу.

- Что ты тянешь!! Быстрее!! Уезжай отсюда куда-нибудь!!

- Да что ты орешь, как ненормальная! - тоже крикнул я, трогаясь с места и набирая большую скорость. - Что случилось? Нормально можешь объяснить?

- Боже мой!! Боже мой!! - Ее крик переходил в истерический плач. - Умоляю, увези меня далеко!!

Я ничего не мог от нее добиться, и лишь бездумно выполнял ее просьбу. "Шестерка" редела своим старым движком, повидавшим за свой век не одну сотню начинающих водителей. Дорога серой тканью наматывалась на колеса. Шины липли к мягкому от солнца асфальту, издавая звук, напоминающий гладкий треск, который издает лента "скотч". Мы пронеслись мимо автовокзала и погнали среди виноградников на Долину Роз. Инга сидела за моей спиной, как на иголках, постоянно оборачиваясь и глядя на тающий в пыли город.

Дорога пошла в гору. Пахнувший плавленой смолой лес обступил нас со всех сторон. Инга немного успокоилась и теперь напряженно смотрела вперед.

- Ну? - спросил я. - Отошла немного?.. Теперь рассказывай, что за беда случилась?

- Останови, - попросила Инга.

Я съехал на обочину, в тень большого бука, остановился и заглушил мотор. В открытые окна ворвалась трескотня цикад. Инга открыла дверь и нетвердыми шагами пошла к дереву, села на выжженную траву, оперлась спиной о ствол и

закрыла глаза.

– Не триви душу, – тихо сказал я, опускаясь на корточки рядом с ней. – Кто тебя так напугал?

– Лучше не спрашивай, – одними губами прошептала Инга. – Все... Теперь все кончено...

Я как следует встряхнул ее за плечи. Сухой лист вертолетом опустился Инге на голову.

– Я сбила женщину!! – вдруг крикнула она страшным голосом, раскрыв безумные глаза. – Ты понимаешь, что я убила человека! Боже, но почему, почему это случилось со мной!! Я не хочу!!

Я окаменел, глядя на Ингу и не веря своим ушам. Она вдруг качнулась и со всей силы обхватила меня руками.

– Миленький!! Спаси меня, пожалуйста!! Увези меня отсюда!! – Слезы ручьем лились из ее глаз, и я почувствовал, что моя майка тотчас вымокла насквозь.

– Да подожди ты, истеричка! – не выдержал я и оттолкнул Ингу от себя. – Успокойся! Прекрати орать! Рассказывай все по порядку!

Но она, не открывая глаз, продолжала мычать и отрицательно крутить головой. Пришлось залепить ей пощечину. Коричневые волосы взметнулись, радужно сверкнули в солнечных лучах и закрыли девушке лицо. Она вскрикнула, прижала ладони к глазам и навзничь упала на листья.

Я кинулся к машине за водой, набрал в рот минералки и брызнул ей в лицо. Потом просто вылил остатки ей на голову. Мокрая, зареванная, Инга притихла, но еще несколько минут беззвучно содрогалась, тихо всхлипывала и размазывала по щекам свой профессиональный макияж.

Сидя напротив нее, я терпеливо ждал, когда она сможет что-либо вразумительно сказать. Наконец, девушка исчерпала все эмоции, связанные с потрясением и, обессиленная, опустошенная, устала на перламутрового

жучка, который полз по ее коленке вверх.

- Не знаю, как это получилась, - тихо произнесла она, нервно гоня жучка с ладони на колено и обратно. - Ты меня разозлил, и мне захотелось проехать квартал без тебя. Чтобы успокоиться... Я медленно ехала. По правой стороне.

- Замечательно! - Я не смог сдержать злой иронии. - Самое главное, что по правой стороне! Дальше!

- У кинотеатра есть такой проулочек... В общем, если стоять к нему лицом...

- Знаю! - перебил я. - Что? Что было в этом проулочке?

Инга набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

- Там я сбила женщину.

Мой пульс, наверное, перевалил за двести ударов в минуту. Злость искала и не могла найти выхода.

- Замечательно! - как заевшая пластинка произнес я. - Больше слов нет! Конечно, на пешеходном переходе?

- Не знаю, - испуганно ответила Инга, вскинув на меня глаза. - Не помню. Там на асфальте белые полосы были...

- Что?! - взревел я. - Белые полосы?! "Зебра"?! Так ты, чучело гороховое, в самом деле сбила ее на пешеходном переходе?!

Я не смог сидеть и вскочил на ноги.

- Я не знаю, как это случилось! - со слезами в голосе крикнула Инга. - Черт знает, откуда она там взялась! Не было никого на дороге! Ни одного человека! И я только чуть-чуть газу прибавила!

– Я тебе такого сейчас газа дам! – удавом зашипел я, размахивая перед лицом девушки кулаком. – Такого газа дам, что ты у меня воздушным шариком станешь! Как ты ее сбила? Куда ударила?

– В живот, – ужасаясь того, о чем сама же говорила, произнесла Инга. – Я так испугалась, что бросила руль и закричала... И машина проехала по ней... как по кочкам. Я слышала под днищем хруст...

– О, Господи!! – взвыл я.

– А когда поняла, что случилось, так снова надавила на газ. И к тебе. Я так испугалась, что ничего не соображала... А тот мужик сразу кинулся в подворотню...

– Какой еще мужик? – обессилено спросил я. – Ты что, курица общипанная, еще и мужика задела?

– Нет же, нет! Этот мужик стоял рядом с той женщиной. Точнее, за ней. И мне показалось, что он толкнул ее под машину.

– Что? – Я круто повернулся и снова присел рядом с Ингой. – Как ты сказала? Толкнул? А тебе не померещилось, девочка?

Инга отрицательно покачала головой и машинально убрала волосы за уши.

– Нет, не показалось, – глядя на меня широко раскрытыми глазами, произнесла она. – Женщина стояла на тротуаре. А он – за ней. Почти вплотную. И вдруг – мгновение! – и она уже прямо передо мной. Потом удар! Руки, ноги – все вперемешку. Потом этот страшный хруст. Я только краем глаза успела заметить короткое движение его рук. Этот мужик словно волейбольный мяч отбивал. Вот так...

Она растопырила пальцы, поднесла руки к лицу и выкинула их в мою сторону.

Мы молчали. Только сейчас я ощутил весь ужас создавшегося положения. Толкнули женщину под колеса или нет – это был вопрос второстепенный. Самое страшное было то, что Инга совершила наезд и скрылась с места происшествия.

– Ты была обязана остаться там, – сказал я, – оказать пострадавшей первую медицинскую помощь, а потом отвезти ее в больницу.

Закрыв ладонью рот, Инга качала головой.

– Что теперь мне делать? – едва выдавила она из себя.

– Не знаю, – ответил я и встал.

Она вдруг вцепилась в мою штанину и пронзительно закричала:

– Миленький!! Не бросай меня! Пожалуйста, родненький!! Все, что хочешь для тебя сделаю!! Всю жизнь ноги целовать буду!! Только не бросай меня, помоги, пожалуйста, помоги!!

Я ходил кругами вокруг дерева и искал в завалах мыслей ответ на вопрос: что делать? И откидывал в сторону нелепые и безумные идеи, словно непригодную одежду из чемодана, и это продолжалось до тех пор, пока чемодан не опустел.

– Не знаю, – повторил я. – Ехать в милицию и во всем сознаваться.

– Меня посадят? – прошептала Инга.

– Скорее всего посадят нас обоих.

Инга, не сводя с меня глаз, медленно качала головой.

– Нет. Нет. Все, что угодно, но только не это. Этого не будет, понимаешь? Не-будет! – произнесла она по слогам.

Я уловил перемену, произошедшую в ней. Глаза Инги заблестели, дыхание участилось. Она вытерла слезы, поправила волосы и встала на ноги.

– Кирилл, – произнесла она тверже. – Этого не будет. Тюрьма для меня – все равно, что смерть. У меня выбора нет, и я буду бороться за жизнь.

– Борись! – охотно согласился я и развел руками. – Давай! Начинай! Только я не представляю, как ты это собираешься делать.

– Ничего не было! Понял? Ничего! Я все придумала. Никого я не сбивала. Все это мне приснилось в кошмарном сне!

Я двинул кулаком по замшелому стволу бука. Несколько ворон, крича дурными голосами, тяжело взмыли в небо.

– Тебя никто не видел? – спросил я.

– Где?

– Там!

Инга пожала плечами.

– Кажется, никто.

– Машины? Прохожие? Кто мог увидеть?

– Нет, никого не было.

Я подошел к "шестерке", опустился на корточки перед капотом.

– М-да, – произнес я, рассматривая погнутый бампер, разбитую фару и ячеистую поверхность радиатора. – В самом деле – кошмарный сон... Возьми в багажнике тряпку и канистру с бензином и тащи сюда.

Кошмарный сон Инги оставил после себя вполне материальные следы. На бампере отчетливо были видны следы крови. Панель рамки радиатора была слегка вогнута, и к ней, в сгустках запекшейся крови, налип клочок седых волос. Щель между правой фарой и крышкой капота была, как герметиком, забита вишневой слизью, а по стеклу фары расползлись свежие трещины.

Я покачал головой. С такими уликами нас припрут к стене на первом же милицейском кордоне.

– Отмывай, – сказал я, поворачиваясь к Инге спиной, чтобы не видеть ее зареванных, подпухших глаз.

– Бензином?

– Ну не мочой же!

Я прекрасно понимал, что если я буду действовать в том же духе, то стану соучастником преступления. Голова разрывалась от противоречий. С одной стороны, все эти приключения мне были нужны, как собаке пятая нога. Зачем взваливать на свои плечи проблемы Инги? Наезд совершила она, причем, нарушив правила, самовольно отправившись на машине без инструктора. В чем моя вина? В том, что я помог ей скрыться с места происшествия? Но ведь я узнал о наезде только сейчас! И вообще, я не инструктор, а постороннее лицо. Жаль, конечно, но по шапке получит Виктор.

С другой стороны... Ах, черт возьми эту другую сторону! Ну разве я смогу сдать милиции эту несчастную актрису, которая хватается за меня, как за утопающая за спасательный круг? Разве я, сильный, удачливый, умудренный жизнью человек не сделаю хотя бы попытки спасти Ингу?

– Хорошо моешь? – спросил я, не оборачиваясь.

– Вроде хорошо.

– Щели радиатора как следует вычисти.

– Какие щели?

Я сплюнул. Что делать? – мучительно раздумывал я. Я стою на распутье. Шаг в одну сторону – преступление. Шаг в другую – законопослушание.

– Ты там где-нибудь резко тормозила?

– Вроде нет. А что?

– У тебя все ответы "вроде" и "вроде"! – взорвался я. – А конкретнее сказать не можешь?

Инга выпрямилась. С грязной тряпки, которую она держала, стекала тонкая струйка бензина. Ее великолепное вечернее платье, в котором она пришла ко мне вчера, уже было усеяно темными разводами.

– У меня было состояние аффекта! – слезно ответила она. – Я плохо помню...

– У тебя было состояние девичьей дурости и завышенной самооценки! – перебил я ее.

– Давай, давай! Оскорбляй! – шмыгая, произнесла Инга. – Сейчас все можно. Здесь нет никого, кто бы меня защитил.

– Да, твоего белоснежного продюсера здесь, конечно нет, – зачем-то вплел я незнакомого мне человека. – Уж он-то тебя бы успокоил!

– Очень может быть! – огрызнулась Инга, помолчала и тише добавила. – Я помыла.

Стараясь не смотреть в глаза Инге, я повернулся и подошел к машине. На первый взгляд, никаких следов не осталось. Но это только на первый взгляд. Криминальная экспертиза при желании отыщет частицы крови даже после мойки горячей водой с шампунем.

– Я почему спросил тебя о резком торможении, – сказал я, обходя "шестерку" и внимательно осматривая ее борта и колеса. – По тормозному пути можно легко определить класс машины, ее скорость и многое другое... – Я присел у переднего колеса. – Ну вот, и в протекторе кровь!.. Черт!! А это что?

Инга на цыпочках приблизилась ко мне и встала за спиной.

– Колпак где? – Я повернул к ней голову. – Я тебя спрашиваю! Не моргай глазами!

– Какой колпак?

– Не клоунский же! Декоративный! С колеса!

– Не знаю, – пожала Инга плечами.

– Утром он был, – сказал я голосом, каким читают приговор. – Значит, ты потеряла его там... Все. Не надо ничего больше мыть. Можешь выкинуть тряпку... Мне очень тебя жаль, Инга, но я не могу тебя обнадеживать. Колпак – это серьезная улика. Я бы сказал, что это определяющая улика. Доказать, что женщину сбила именно эта машина, теперь будет очень просто.

В милицию! – уже уверенно думал я. Бесплезно что-либо делать. Нас высчитают в полчаса.

Инга вдруг кинулась к машине и стала отрывать колпаки с колес.

– Нет! – кричала она, закидывая их в лес. – Не пойду в милицию! Не пойду! Не пойду!

Колпаки планировали, как летающие тарелки, ударялись о ветки деревьев и пикировали в высохшую траву. Инга выпрямилась, повернулась ко мне и, смерив меня долгим взглядом, произнесла:

– Да ты просто трус! Ты за себя боишься! Ты дрожишь только от одной мысли, что тебе пришьют укывательство, и хочешь побыстрее сдать меня ментам!.. Дрянь! Продажная шкура! А я думала – мужик! Рыцарь!..

Ее глаза снова наполнились слезами. Она наносила точные удары, и ни один из них не прошел мимо цели, потому что она была права.

Запомни это мгновение! – сказал я сам себе, словно другому человеку. Ты идешь на это сознательно. Потом это нельзя будет уже назвать ошибкой или заблуждением.

Стиснув зубы, я пошел к машине, по пути отбивая ногой канистру, сел за руль и завел мотор. Инга, все еще не выпуская из рук тряпки, стояла перед капотом. Я надавил на газ. Машина зарычала. Я двинул вперед рычаг скоростей и почувствовал, как легко, как просто можно отпустить педаль сцепления, и машина, до дыма шлифуя колесами асфальт, рванется вперед, ударит своим горячим передком Ингу в живот, собьет с ног, подомнет под себя, разрывая нежную кожу, с хрустом и треском ломая ей череп, позвоночник, ноги и руки...

- Садись! - сказал я ей, испугавшись самого себя.

Инга кинула тряпку себе под ноги и на ватных шагах подошла к двери.

- Куда ты... хочешь? - произнесла она.

- Садись!! - рявкнул я.

Она подчинилась. Я сорвался с места еще до того, как Инга захлопнула дверь. Никогда я не водил машину так жестоко и безумно, как сейчас. Теперь мы вместе, думал я, выжимая из двигателя все, на что он был способен. Теперь у нас одна судьба. А мои друзья, моя Анна остались далеко-далеко...

9

Не доезжая до Морского, я свернул под указатель "RODEO-MOTORS АВТОСАЛО", в котором последнюю букву какой-то шутник замазал краской, и по разбитой донельзя грунтовке поехал по выжженному плато, обрывающемуся над морем.

- Нет здесь никакого сервиса, - сказала Инга. - Жуткое место.

- Нам с тобой теперь часто по жутким местам ходить придется, - сказал я, притормаживая. - Ну-ка, выйди из машины и подожди меня здесь.

Инга послушно вышла и села на останки каменной кладки. Я доехал до ржавого сарая с прогнувшейся крышей, обставленного со всех сторон битыми кузовами, изношенными покрывками, бочками и железяками всевозможных размеров и

форм.

Я остановился напротив ворот, посигналил, но никаких признаков жизни не заметил.

Створка тяжелых ворот со скрипом отошла в сторону, и я зашел в темный, пропахший бензином и смазкой цех. Остановившись в какой-то липкой луже, я посмотрел по сторонам. Посреди цеха, на подъемнике, висела допотопная иномарка, с днища которой срывались маслянистые капли и с щелчком падали на дно смотровой ямы. В дальнем углу, под стеллажами с банками и ящиками с инструментами, на замасленном до блеска кресле, положив ноги на стол, сидел парень и с увлечением смотрел по крохотному телевизору какой-то сериал.

- Эй! - позвал я его. - Ты слесарь?

- Во дает! Во дает! - вскрикнул парень, не отрывая глаз от экрана, хлопнул ладонями и поменял местами ноги. - Она ж от него беременная, а думает, что он ей брат!

Я не торопясь подошел к телевизору и сел на него. Парень, с одеждой, лицом и руками, как у шахтера, обиженно взглянул на меня и опустил ноги на пол.

- Чего тебе? - недовольно спросил он, кидая под ноги окурок, размером с таблетку.

- Работа есть.

- Погоди с работой! Дай кино досмотреть!

- Времени нет, - спокойно объяснил я.

- Конечно! - взмахнул руками парень. - У всех нет времени, у меня только его навалом.

Он нехотя поднялся, со стоном потянулся, пошел с смотровой яме, глянул на днище подвешенной иномарки, тронул пальцем какой-то патрубок и буркнул:

- Течет, зараза!

Он всегда будет бедным и грязным, подумал я. Но от таких, как он, почему-то зависят тысячи людей.

- Ну? - наконец снизошел до меня слесарь. - Какие проблемы?

- Надо отрихтовать и покрасить раму радиатора.

- Тачка какая?

- "Шестерка".

- Новая?

- Старая.

Парень поморщился, словно он занимался ремонтом исключительно шестисотых "мерсов". Вздохнул, вытащил из кармана пачку дешевых сигарет, выудил оттуда последнюю, поломанную посередине, поспешил, склеивая, и сунул ее в рот.

- Ну, идем, посмотрим на твою беду, - невнятно произнес он, прикуривая.

Мы вышли из сарая на воздух.

- Во! - проворчал слесарь. - Уже учебные тачки гробим... А ты что, инструктор?

- Инструктор, - подтвердил я.

- Что ж ты так плохо за учеником смотрел, инструктор?

Он подошел к машине и, напевая какую-то мелодию, присел у капота и, щурясь от того, что дым сигареты проедал ему глаза, стал осматривать раму.

- Вмяли вы ее прилично, - бубнил он себе под нос. - И рама, и фара, и чуток крыло задела. Работы тут много... А на что напоролись-то?

- С деревом не разошлись, - сходу придумал я, задним умом понимая, что легенду надо было подготовить заранее.

- Ну-ну, - закивал слесарь. - Эту лапшу ты будешь кому-нибудь другому вешать. Тут не дерево было, а что-то помягче.

Я почувствовал, как у меня похолодела спина, словно за ворот вылили стакан ледяной воды.

- Дерево, - изо всех сил стараясь казаться спокойным, заверил я. - Только оно было мягкой породы. Трухлявая сосна.

- Ну, это понятно, что сосна, - тотчас отозвался слесарь и, прищурив один глаз, провел пальцами по вогнутой раме. - Я так сразу и понял, что сосна.

Он вскинул голову и взглянул на меня.

- Работы много, - повторил он и недвусмысленно добавил: - Работа сложная... Две штуки баксов будет стоить.

Слесарь, конечно, откровенно наглед. Мне показалось, что он сам обалдел от названной им же суммы, и все же интуитивно чувствовал, что я именно тот клиент, который готов заплатить сколько угодно, лишь бы уничтожить следы. Я понял: соглашусь на его условия - парень обнаглеет вконец и посадит меня крючок.

- За две тысячи я куплю другую "шестерку", - спокойно ответил я. - А эту сожгу.

- Ну-ну! - ответил парень, жуя сигарету и стряхивая со своего немислимо грязного комбинезона какую-то пыль. - Покупай. Если только, конечно, через пост ГАИ сможешь проехать.

Бог свидетель, я держался себя в руках до последнего, но вынести насмешку этого немытого ублюдка, который почувствовал власть над нами, было выше моих сил. Схватив слесаря за горло, я сдавил пальцы и толкнул слабеющее тело на ворота.

– Слушай меня! – зашипел я, все сильнее сдавливая горло парня. – Я придушу тебя, как котенка, если ты к вечеру, к заходу солнца, не сделаешь то, что я тебе сказал; я похороню тебя в смотровой яме и сожгу твой гнилой сарай, если ты еще раз посмеешь хихикать в моем присутствии...

Слесарь стал хрипеть и колотить руками по железу. Глаза его, наливаясь кровью, выскальзывали из орбит, как сливовые косточки из пальцев. Опасаясь, как бы сгоряча его не задушить, я ослабил хватку, вытащил из нагрудного кармана стопку стодолларовых купюр, смял ее и затолкал слесарю в рот.

Инга ждала меня на обочине трассы в тени дерева. Даже издали было заметно, как она бледна.

– И мне это надо? – спросил я, подходя к Инге.

Она схватила меня за руку. Несмотря на жару, ее пальцы были ледяными. Казалось, она вот-вот грохнется в обморок. Она качнулась, переступила с ноги на ногу.

– Ну? Что? Рассказывай!

– По-моему, слесарь догадался, что на этой машине сбили человека.

– Но отремонтировать обещал?

– Обещал.

Мы пошли по пыльной обочине. Инга оглядывалась до тех пор, пока указатель "Автосало" не скрылся за поворотом. Жара стояла невыносимая. Мысли плавилась, как карамель, превращаясь в тягучую патоку, и их движение приостановилось. Чувство тревоги притупилось. Мною овладело безразличие ко всему. Инга сняла босоножки и пошла босиком. Вот так, думал я, глядя на ее ноги. Стоило снять обувь с каблуками, выпачкать коленки в смазке и вместо асфальта постелить пыльную грунтовку, как ее ножки сразу утратили привлекательность. Ничего особенного, вполне посредственные нижние конечности. Шлепает, косолапя, как медведица, а не актриса.

- Не молчи! - вдруг произнесла Инга. - Скажи что-нибудь, иначе я сойду с ума.

Я кинул на нее сваренный взгляд.

- А что ты хочешь от меня услышать?

- Что мы скажем инструктору?

Да, об этом надо было побеспокоиться заранее, но ни одна свежая идея не могла пробиться сквозь патоку. Я пожал плечами.

- Скажем, чтобы он никогда не доверял свою машину посторонним лицам...
Вытри у себя под глазами. Идешь, как Фантомас.

Инга на ходу раскрыла свою сумочку и стала искать в нем платок. Я успел заметить между косметических принадлежностей маленький черный баллончик с надписью "CS", с большой красной кнопкой и усмехнулся. Блаженны верующие! Сунула в сумочку этот дезодорант, вызывающий насморк, и думает, что надежно оградила себя от всякой нечисти. А я даже в танке не чувствовал бы себя спокойно.

- Скажи, - произнес я, - про человека, который толкнул женщину, ты придумала?

Инга испуганно взглянула на меня. Она не хотела, чтобы я перестал ей верить.

- Нет, не придумала.

- Ты пойми, - поспешил я объяснить ей свою позицию, чтобы ложь Инги не зашла слишком далеко. - Я не следователь и не прокурор, и не мне определять степень твоей вины. Ты очень напугана, тебе страшно думать о том, что ты сделала. И все-таки постарайся быть со мной откровенной до конца, иначе мне будет очень трудно помогать тебе.

- Я говорю правду, - тверже повторила Инга. - И не пытаюсь снять с себя вину. Но эту женщину в самом деле толкнул мужчина.

- Толкнул или тронул за плечо? - уточнил я.

- Толкнул! Изю всех сил! Я же объясняла: как мяч!

Плохо, что она актриса, думал я. Разговаривая с обыкновенным человеком, я на девяносто процентов мог определить, правду он говорит или лжет. Для артиста же ложь - профессиональное качество. Как тут узнаешь, где жизнь, а где талантливая игра?

- Ты понимаешь, что в этом случает все меняется? - спросил я, останавливая Ингу и опуская руки на ее обнаженные плечи. - Тогда мы можем вздохнуть с чистой совестью и вернуться к нормальной жизни. Правда, при одном маленьком условии.

- При каком?

- Если мы найдем этого мужчину и заставим его сознаться в преступлении.

- Да, - кивала Инга, глядя на меня, как на мессию. - Надо найти его и заставить...

Мы вышли на шоссе. Инга вскрикнула и тотчас обулась - асфальт напоминал раскаленную сковородку.

- Ты запомнила его лицо? - спросил я.

- Не очень, - ответила она, подумав.

- Но узнать сможешь, если встретишь?

- Пожалуй, смогу.

- Сколько ему можно дать лет?

- М-м-м... Как тебе.

- Как был одет?

- Спортивные брюки и красная майка.

- Рост? Цвет волос?

- Брюнет. Жгучий брюнет. А рост как у тебя. И комплекция такая же.

- Ну, все ясно. Если дашь такие показания следователю, то я уже на следующий день буду сидеть в следственном изоляторе... Куда он потом делся, этот мужик?

- Побежал в подворотню.

- Естественно не в отделение милиции. А как ты думаешь, он мог нечаянно толкнуть женщину? Ну, скажем, оступившись и потеряв равновесие?

Инга отрицательно покачала головой.

- Нет, он сделал это нарочно. Он стоял ровно и выжидал, когда я подъеду ближе.

- Значит, убийство?

- Не знаю, как это можно назвать по-другому, - ответила Инга.

Я услышал шум приближающейся машины, обернулся и поднял руку. "Газель" с открытым кузовом притормозила.

- Куда? - крикнул парень, сидящий рядом с водителем.

- В Судак!

- В кузов, ребята!

Платье Инги менее всего подходило для лазания по машинам. Она никак не могла поднять ногу, чтобы поставить ее на бампер. Пришлось задрать подол выше пояса. Я помог ей, поддерживая два упругих полушария ладонями.

– Осторожнее! – предупредила Инга, когда я закинул ее в кузов. – Ты мне там синяков не оставил?

Держась одной рукой за борт, она выворачивала шею, пытаясь рассмотреть свои ягодицы.

– Ничего страшного, – ответил я. – Голой тебя, надеюсь, снимать не будут? Или я ошибаюсь?

Инга ничего не ответила. Машина тронулась и весело покатила с горки вниз. Мы неслись навстречу ветру, словно в шторм плыли на яхте.

Она говорит правду, думал я, убеждая себя в этом, ибо принять другую версию было невыносимо. Это с какой же скоростью надо нестись по дороге, чтобы не успеть затормозить и сбить человека! Инга не смогла бы так разогнать машину в том проулке. Ни за что бы не смогла. Женщину, действительно, кто-то толкнул под колеса.

Любопытно, что когда лицемеришь с самим собой, то на некоторое время возникает иллюзия душевного равновесия. Я даже в порыве чувств обнял Ингу одной рукой, и она прижалась ко мне. Через некоторое время, как положено, началась обратная реакция. Я словно увидел себя со стороны, с высоты птичьего полета. Вот едет на машине счастливый кретин, обнимая глупую девушку. Катится на машинке по тонкой извилистой дороге в пыльный город. Сзади, между двух голых холмов, приютился ржавый сарай под названием "Автосало", в котором стоит "шестерка" с помятым передком и с комочками запекшейся крови в щелях радиатора. Впереди, в пыльном городе, есть морг, где лежит сбитая "шестеркой" женщина; есть там отделение милиции, уже гудящее, как улей, и милиционеры уже обложили все дороги, а следователи с большими лупами уже бегут по кровавым следам полустертых протекторов; и есть в этом городе инструктор Витя, который, поглядывая на часы, ходит по двору автошколы, а директор орет ему из окна, что если через десять минут машина не найдется, то он сообщит в милицию об угоне. И еще в этом городе вчера вечером задохнулся в собственном гараже "черный" антиквар Кучер, один из двоих, кто знал о моем золоте. И последнее: в этом же городе появился некто Лембит Лехтине, который интересуется антикваром и ищет встречи со мной. А в это время улыбающийся кретин, обнимая глупую девушку, несется ветру навстречу...

- Что с тобой? – спросила Инга тревожно. – Тебе плохо?

- Милиция, – произнес я.

10

"Газель" плавно притормозила и остановилась на обочине рядом с мотоциклом и двумя милиционерами в бронежилетах и с "калашниковыми".

- Старший лейтенант Баркевич, – представился водителю один из них. – Документы, пожалуйста, и вещи к досмотру.

Я взглянул на помертвевшее лицо Инги и тихо сказал:

- Сядь, не стой.

Инга опустилась на дощатый пол, прижалась лбом к борту, глядя через щель на милиционера. Ты этого хотела, подумал я с некоторым злорадством. И это только начало. Теперь вся твоя жизнь будет заполнена страхом и ожиданием ареста.

- Прошу! – с веселым напевом сказал водитель, протягивая документы. – Вот права, вот доверенность, вот накладная...

Милиционер медленно пошел вокруг машины, внимательно рассматривая ее фары, колеса и борта. Потом поднял голову и встретился со мной взглядом.

- Они с вами?

- Попутчики, – объяснил водитель и зачем-то подмигнул мне.

Нет, это не обычная проверка, понял я. Он ищет. Он целенаправленно ищет машину, сбившую женщину.

- Что в мешках? – спросил милиционер, но я увидел, что он не сводит глаз с Инги, и под его взглядом она медленно встает, и лицо ее каменеет от ужаса.

- Пшеница. Корм для курей, – ответил водитель. – Могу показать...

- Не надо! – остановил его милиционер. Казалось, своим взглядом он засасывает Ингу, и та уже едва стоит на ногах. – Никак не вспомню, где я мог вас видеть...

Инга натянуто улыбнулась и пожала одним плечом.

- Что такое! – усмехнулся милиционер. – Ваше лицо просто стоит перед глазами, а вспомнить не могу... В магазине? На пляже?

- Я не здесь живу, – едва смогла произнести Инга.

- А где?

- В Ялте.

- Значит, ошибся, – с сожалением сказал старший лейтенант. – В Ялте я никогда не был... Счастливого пути!

- Этого еще не хватало, – пробормотала Инга, когда машина снова тронулась.

- Ты о чем? – спросил я.

- Так, о всякой ерунде, – уклончиво ответила она.

Мы пронеслись мимо автовокзала. Я постучал по крыше кабины.

- Приехали? – спросил водитель.

Я спрыгнул, взял Ингу на руки и опустил на асфальт. Водитель посигналил и помахал нам рукой. Знал бы ты, кого подвез, подумал я, провожая машину взглядом.

– Куда теперь? – спросила Инга.

– Туда, – ответил я.

Она поняла и уточнять не стала. Взяла меня под руку и, прихрамывая (сбила пятки, когда босиком шла), пошла рядом со мной – притихшая в ожидании большой грозы.

Чем ближе мы приближались к рынку, тем медленнее шли. Волнение Инги передавалось мне. Мы вышли на рыночную площадь. Суета, придавленная солнцепеком, несколько поутихла, но все равно было тесно. Нас толкали, словно нарочно. Я испытывал гадкое чувство, словно все вокруг нас, и торгоши, и покупатели, прекрасно знали нашу тайну, но лишь делали вид, что не обращают на нас внимания. Я стрелял по сторонам глазами, со страхом ожидая уловить косой и насмешливый взгляд. Инга приросла к моей руке. Сама того не замечая, она все сильнее наваливалась на нее, и я уже почти нес Ингу, как накинутый на руку плащ.

– Ты можешь идти нормально? – сквозь зубы произнес я.

Инга выпрямилась, но не надолго. Она едва передвигала ноги, словно это были тяжелые протезы, крутила по сторонам головой и вздрагивала всякий раз, когда ее задевали прохожие.

Мы прошли вдоль каменного забора и свернули в злосчастный проулок. Я волновался, как преступник во время следственного эксперимента. Мне казалось, что мы ведем себя слишком неестественно, и это выдает нас с головой. Наши шаги гулко звучали в узком пространстве между глухой стеной кинотеатра и бетонным забором, стоящим напротив. Я таращил глаза, выискивая нечто ужасное, но ничего не находил, и взгляд мой свободно скользил по заборам, асфальту и коричневой стене старого, давно неработающего кинотеатра. Людей было мало. В этом проулке, где не было ни магазинов, ни кафе, курортники почти никогда не появлялись.

Мы в ногу прошли до середины проулка. Инга ущипнула меня за руку. Мы приближались к разметке пешеходного перехода. Два пацана, опустив головы и глядя себе под ноги, шли нам навстречу и, показывая пальцами на то, что мы еще не видели, громко говорили:

- Вот!.. И вот еще!.. И еще!

Если бы я не знал, что здесь произошло два часа назад, то не придавал бы никакого значения темным маслянистым пятнам на асфальте. А пацаны знали, что это кровь.

Мы разминулись с ними. Пацаны подождали, когда мы отойдем на несколько шагов, и продолжили свою поисковую работу.

- Вот, смотри, здесь больше всего!

- Чего ты меня толкаешь на эту гадость? Сейчас я тебя тоже толкну!

- А вот глаз валяется!! Ва-а-а!!

- Сам ты глаз! Это пробка!

- Испугался, чмурик?..

Я почувствовал себя скверно. Неужели я до последнего надеялся, что Инга всего лишь нехорошо меня разыграла? Теперь уже можно было не сомневаться в том, что здесь был совершен наезд на человека. Следственная бригада свое отработала. Труп увезли. Отпечатки на асфальте срисовали, сфотографировали; расстояние от следов колес до тела, от тела до бордюра, от бордюра до следов колес измерили. Отвалившийся колпак подобрали и аккуратно опустили в полиэтиленовый мешок. Затем пятна крови залили хлорированной водой и уехали. Колба песочных часов с грохотом опустилась мне на голову, и сухая струйка начала выкачивать из-под моих ног опору...

Я вдруг резко остановился, словно налетел на невидимую преграду. Инга наступила мне на пятку и ткнулась лбом в плечо. Холодный пот волной прошел по спине. Я смотрел на открытое окно в стене, на облака пара, выкатывающие оттуда, на жирный оцинкованный подоконник, на девушку в белом халате и платке, стоящей над шипящим противнем, и на листок из ученической тетради, приклеенный к раме, с неровной надписью: "ПИРОЖКИ С КАПУСТОЙ, КУРАГОЙ, КАРТОШКОЙ, РИСОМ."

- Что это? – прошептала Инга, не видя ничего страшного, но на всякий случай пугаясь.

- Пирожки, – пробормотал я.

- Ты хочешь есть?

- Когда? – пробормотал. – Когда это произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dyshev_andrey/chas-volka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)